SUR LA RÉVOLUTION; par V. Tchertkoff.
Avec préface par Léon Tolstoy.

В. ЧЕРТКОВЪ.

О РЕВОЛЮЦІИ

Насильственная революція или христіанское освобожденіе?

(Обращеніе къ вѣрующимъ въ Бога русскимъ людямъ).

Съ предисловіемъ

Л. Н. Толстого.

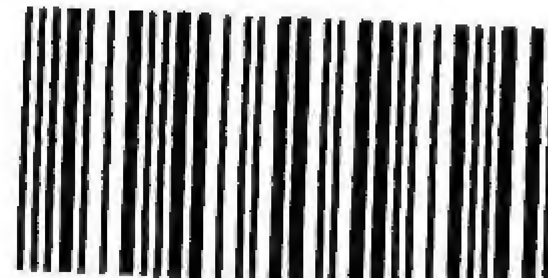


Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 89.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ПРЕДИСЛОВІЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО.
(Письмо къ В. Черткову).

Владиміръ Григорьевичъ,

Прочелъ вашу статью и кромѣ того, что я вполнѣ согласенъ съ высказаннымъ въ ней, мнѣ еще вотъ что̀ хочется сказать о ней.

«Нѣтъ болѣе безнадежно глухихъ, какъ тѣ, которые не хотятъ слышать.»

Революціонеры говорятъ, что цѣль ихъ дѣятельности — разрушеніе того насильственнаго строя, который угнетаетъ и развращаетъ людей. Но вѣдь для того, чтобы разрушить этотъ насильственный строй, нужно прежде всего имѣть средства; для этого нужно, чтобы было хоть какое-нибудь вѣроятіе въ успѣхѣ такого разрушенія.

Такого же вѣроятія нѣтъ ни малѣйшаго. Существующія правительства давно уже узнали своихъ враговъ и тѣ опасности, которыя имъ угрожаютъ, и потому давно уже приняли и теперь неусыпно принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ разрушеніе того строя, на которомъ они держатся. Мотивы же и средства для этого у правительствъ самые сильные, какіе только могутъ быть: чувство самосохраненія и дисциплинированное войско.

Попытка революціи 14-го Декабря происходила въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ случайнаго междуцарствія и принадлеж-

ности къ военному сословію большинства членовъ, и что же? И въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ возстаніе безъ малѣйшаго усилія было задавлено покорными правительству войсками, и наступило грубое, глупое, развратившее людей 30-ти лѣтнее царствованіе Николая. Всѣ же послѣдующія попытки русскихъ недворцовыхъ революцій, начиная отъ похожденій десятка молодыхъ мужчинъ и женщинъ, намѣревавшихся, вооруживъ русскихъ крестьянъ тридцатью револьверами, побѣдить милліонную правительственную армію, и до послѣднихъ шествій рабочихъ съ флагами и криками: «Долой самодержавіе!», легко разгоняемыхъ десятками будочниковъ и казаковъ съ нагайками, такъ же какъ и тѣ взрывы и убійства семидесятыхъ годовъ, кончившіеся первымъ Марта, — всѣ эти попытки кончились и не могли не кончиться ничѣмъ инымъ, какъ только погибелью многихъ хорошихъ людей и все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ усиленіемъ и озвѣрѣніемъ правительства. То же самое продолжается и теперь. На мѣсто Александра II — Александръ III, на мѣсто Боголѣпова — Глазовъ, на мѣсто Сипягина — Плеве, на мѣсто Бобрикова — Оболенскій. Не успѣлъ еще дописать этого, какъ нѣтъ уже и Плеве, и на мѣсто его готовится еще кто-то, навѣрное еще вреднѣе Плеве, потому что послѣ убійства Плеве правительство должно сдѣлаться еще жесточе.

Нельзя не признавать молодечества и самоотверженія людей, какъ Холтуринъ, Рысаковъ, Михайловъ и теперь убійцъ Бобрикова и Плеве, которые прямо жертвовали своими жизнями для достиженія недостижимой цѣли; такъ же какъ и — тѣхъ, которые съ величайшими лишеніями идутъ въ народъ, чтобы бунтовать его, или печатаютъ и развозятъ революціонныя брошюрки; но нельзя не видѣть того, что дѣятельность этихъ людей не могла и не можетъ привести ни къ чему иному, какъ къ погибели ихъ самихъ и къ ухудшенію общаго положенія.

Только тѣмъ, что въ революціонной дѣятельности есть доля задора, борьбы, прелести риска своей свободой, жизнью, — что̀ всегда привлекаетъ молодежь, — можно объяснить то, что люди умные, нравственные могли и могутъ предаваться такой явно безполезной дѣятельности. Жалко видѣть, когда энергія сильныхъ и способныхъ людей тратится на то, чтобы убивать животныхъ, пробѣгать на велосипедахъ большія пространства, скакать черезъ канавы, бороться и тому подобное; и еще болѣе

жалко, когда эта энергія тратится на то, чтобы тревожить людей, вовлекать ихъ въ опасную дѣятельность, разрушающую ихъ жизнь, или еще хуже, — дѣлать динамитъ, взрывать или просто убивать какое-нибудь почитаемое вреднымъ правительственное лицо, на мѣсто котораго готовы тысячи еще болѣе вредныхъ.

Болѣе же всего жалко то, когда видишь, что лучшіе, высоконравственные, самоотверженные, добрые люди, каковы были Перовская, Осинскій, Лизогубъ и многіе другіе (я говорю только про умершихъ), увлеченные задоромъ борьбы, доведены не только до траты своихъ лучшихъ силъ на достиженіе недостижимаго, но и до допущенія противнаго всей ихъ природѣ преступленія, — убійства, до содѣйствія ему, участія въ немъ.

Революціонеры говорятъ, что цѣль ихъ дѣятельности — свобода людей. Но для того, чтобы служить свободѣ, надо ясно опредѣлить то, чтò понимается подъ словомъ свобода.

Подъ свободой революціонеры понимаютъ то же, чтò подъ этимъ словомъ разумѣютъ и тѣ правительства, съ которыми они борятся, а именно: огражденное закономъ (законъ же утверждается насиліемъ) *право каждаго дѣлать то, чтò не нарушаетъ свободу другихъ.* Но такъ какъ поступки, нарушающіе свободу другихъ, опредѣляются различно соотвѣтственно тому, чтò люди считаютъ неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка, то свобода въ этомъ опредѣленіи есть ни что иное, какъ разрѣшеніе дѣлать все то, чтò не запрещено закономъ; или, строго и точно выражаясь, свобода, по этому опредѣленію, есть одинаковое для всѣхъ, подъ страхомъ наказанія запрещеніе совершенія поступковъ, нарушающихъ то, чтò признано правомъ людей. И потому то, чтò по этому опредѣленію считается свободой, есть въ большей мѣрѣ случаевъ нарушеніе свободы людей.

Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ признается право правительства распоряжаться трудомъ (подати), даже личностью (военная повинность) своихъ гражданъ; признается за нѣкоторыми людьми право исключительнаго владѣнія землей; а между тѣмъ очевидно, что эти права, ограждая свободу однихъ людей, не только не даютъ свободу другимъ людямъ, но самымъ очевиднымъ образомъ нарушаютъ ее, лишая большинство людей права распоряжаться произведеніями своего труда и даже своей личностью.

Такъ что опредѣленіе свободы правомъ дѣлать все то, чтò не

нарушаетъ свободу другихъ, или все то, что не запрещено закономъ, очевидно не соотвѣтствуетъ понятію, которое приписывается слову «свобода». Оно и не можетъ быть иначе, потому что, при такомъ опредѣленіи, понятію свободы приписывается свойство чего-то положительнаго, тогда какъ свобода есть понятіе отрицательное. Свобода есть отсутствіе стѣсненія. Свободенъ человѣкъ только тогда, когда никто не воспрещаетъ ему извѣстные поступки подъ угрозой насилія.

И потому въ обществѣ, въ которомъ такъ или иначе опредѣлены права людей, и требуются и запрещаются подъ страхомъ наказанія извѣстные поступки, люди не могутъ быть свободными. Истинно свободны могутъ быть люди только тогда, когда они всѣ одинаково убѣждены въ безполезности, незаконности насилія, и подчиняются установленнымъ правиламъ, не вслѣдствіе насилія или угрозы его, а вслѣдствіе разумнаго убѣжденія.

«Но такого общества нѣтъ, и потому нигдѣ не можетъ быть истинной свободы,» скажутъ мнѣ.

Правда, что нѣтъ такого общества, въ которомъ не признавалась бы необходимость насилія. Но есть различныя степени признанія этой необходимости насилія. Вся исторія человѣчества есть все большая и большая замѣна насилія разумнымъ убѣжденіемъ. Чѣмъ яснѣе сознается въ обществѣ неразумность насилія, тѣмъ болѣе приближается общество къ истинной свободѣ.

Вѣдь это такъ просто и должно бы было быть всѣмъ такъ ясно, если бы не было столько давно установившейся среди людей инерціи насилія и умышленной, для поддержанія этого выгоднаго властвующимъ людямъ насилія, путанницы понятій.

Людямъ, какъ разумнымъ существамъ, свойственно воздѣйствовать другъ на друга разумнымъ убѣжденіемъ на основаніи общихъ для всѣхъ законовъ разума. Такое добровольное подчиненіе всѣхъ законамъ разума и поступаніе каждаго съ другими какъ онъ хочетъ, чтобы поступали съ нимъ, — свойственно разумной, общей всѣмъ, природѣ человѣка. Такое отношеніе людей другъ къ другу, осуществляя высшую справедливость, проповѣдуется всѣми религіями,*) и къ такому состоянію не переставая приближалось и приближается человѣчество.

*) Здѣсь, конечно, разумѣются великія религіи человѣчества въ ихъ первоначальномъ чистомъ видѣ; а не позднѣйшія ихъ извращенія, которыя уничтожили ихъ истинный смыслъ, какъ, напримѣръ, сдѣлала церковь съ ученіемъ Христа. (Ред.)

И потому очевидно, что достигается все бо̀льшая и бо̀льшая свобода людей никакъ не внесеніемъ новыхъ формъ насилія, какъ дѣлаютъ это революціонеры, пытаясь новымъ насиліемъ уничтожить прежнее, а только распространеніемъ между людьми сознанія незаконности, преступности насилія, возможности замѣны его разумнымъ убѣжденіемъ и все меньшимъ и меньшимъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ примѣненіемъ насилія и пользованіемъ имъ.

Для распространенія же этого сознанія и воздержанія отъ насилія у всякаго человѣка есть всегда доступное ему и могущественнѣйшее средство: уясненіе этого сознанія въ самомъ себѣ, то есть въ той части міра, которая одна подчиняется его мыслямъ; и, вслѣдствіе такого сознанія, устраненіе себя отъ всякаго участія въ насиліи и веденіе такой жизни, при которой насиліе становится ненужнымъ.

Думай серіозно, пойми и опредѣли смыслъ своей жизни и свое назначеніе, — религія укажетъ тебѣ его, — старайся, на сколько возможно, осуществить жизнью то, что̀ ты считаешь своимъ человѣческимъ назначеніемъ. Не участвуй въ томъ злѣ, которое ты сознаешь и осуждаешь; живи такъ, чтобы тебѣ не нужно было насиліе, — и ты будешь самымъ дѣйствительнымъ средствомъ содѣйствовать распространенію сознанія преступности, ненужности насилія и, поступая такъ, будешь самымъ вѣрнымъ путемъ достигать той цѣли освобожденія людей, которую ставятъ себѣ искренніе революціонеры.

«Но мнѣ не позволяютъ говорить то, что̀ я думаю, и жить такъ, какъ я считаю нужнымъ.»

Никто не можетъ заставить тебя говорить то, что̀ ты не считаешь нужнымъ, и жить такъ, какъ ты не хочешь. Всѣ же усилія тѣхъ, которые будутъ насиловать тебя, только послужатъ усиленію воздѣйствія твоихъ словъ и поступковъ.

Но не будетъ-ли такой отказъ отъ внѣшней дѣятельности признакомъ слабости, трусости, эгоизма? Не будетъ-ли такое отстраненіе себя отъ борьбы содѣйствовать усиленію зла?

Такое мнѣніе существуетъ и распространяется революціонными руководителями. Но мнѣніе это не только несправедливо, оно недобросовѣстно. Пусть только каждый человѣкъ, желающій служить общему благу людей, попробуетъ жить, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ огражденію своей личности или своей

собственности насиліемъ, пусть попробуетъ не подчиняться требованіямъ лицемѣрнаго почитанія религіозныхъ и государственнымъ суевѣрій, пусть ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ ни въ судѣ, ни въ администраціи, ни въ какой-либо другой службѣ государственному насилію, пусть не пользуется ни въ какомъ-либо видѣ деньгами, насильно собираемыми съ народа, пусть, главное, не участвуетъ въ военной службѣ, — корнѣ всѣхъ насилій, — и человѣкъ этотъ на опытѣ узнаетъ, какъ много нужно истиннаго мужества и самопожертвованія для такой дѣятельности.

Одинъ отказъ отъ податей или воинской повинности на основаніи того закона религіознаго и нравственнаго, котораго не могутъ не признавать правительства, одинъ такой твердый и явный отказъ подтачиваетъ тѣ основы, на которыхъ держатся существующія правительства, въ тысячу разъ сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ самыя продолжительныя стачки, чѣмъ милліоны распространенныхъ соціалистическихъ брошюръ, чѣмъ самые успѣшно организованные бунты или политическія убійства.

И правительства знаютъ это: они по чувству самосохраненія вѣрно знаютъ, гдѣ и въ чемъ ихъ главная опасность. Они не боятся попытокъ насилія, потому что въ ихъ рукахъ непобѣдимая сила; но противъ разумнаго убѣжденія, подтвержденнаго примѣромъ жизни, они знаютъ, что безсильны.

Духовная дѣятельность есть величайшая, могущественнѣйшая сила. Она движетъ міромъ. Но для того, чтобы она была движущей міромъ силой, нужно, чтобы люди вѣрили въ ея могущество и пользовались ею одною, не примѣшивая къ ней уничтожающіе ея силу внѣшніе пріемы насилія, — понимали бы, что разрушаются всѣ самые кажущіеся непоколебимыми оплоты насилія не тайными заговорами, не парламентскими спорами или газетными полемиками, а тѣмъ менѣе бунтами и убійствами; а только уясненіемъ каждымъ человѣкомъ для самого себя смысла и назначенія своей жизни и твердымъ, безъ компромиссовъ, безстрашнымъ исполненіемъ во всѣхъ условіяхъ жизни требованій высшаго, внутренняго закона жизни.

Я очень желалъ бы, чтобы статья ваша пріобрѣла побольше читателей, въ особенности среди молодежи съ тѣмъ, чтобы молодые люди, у которыхъ нѣтъ связывающаго ихъ прошедшаго, и которые искренно хотятъ служить благу людей, поняли бы, что

привлекающая ихъ революціонная дѣятельность не только не достигаетъ той цѣли, къ которой они стремятся, но напротивъ, отвлекая ихъ лучшія силы отъ того направленія, въ которомъ они дѣйствительно могутъ служить Богу и людямъ, производитъ большей частью обратное дѣйствіе; поняли бы, что цѣль эта достигается только яснымъ сознаніемъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ своего человѣческаго назначенія и достоинства, и вслѣдствіе этого, твердой религіозно-нравственной жизнью, не допускающей ни въ словахъ, ни на дѣлѣ никакихъ сдѣлокъ съ тѣмъ зломъ насилія, которое осуждаешь и желаешь уничтожить.

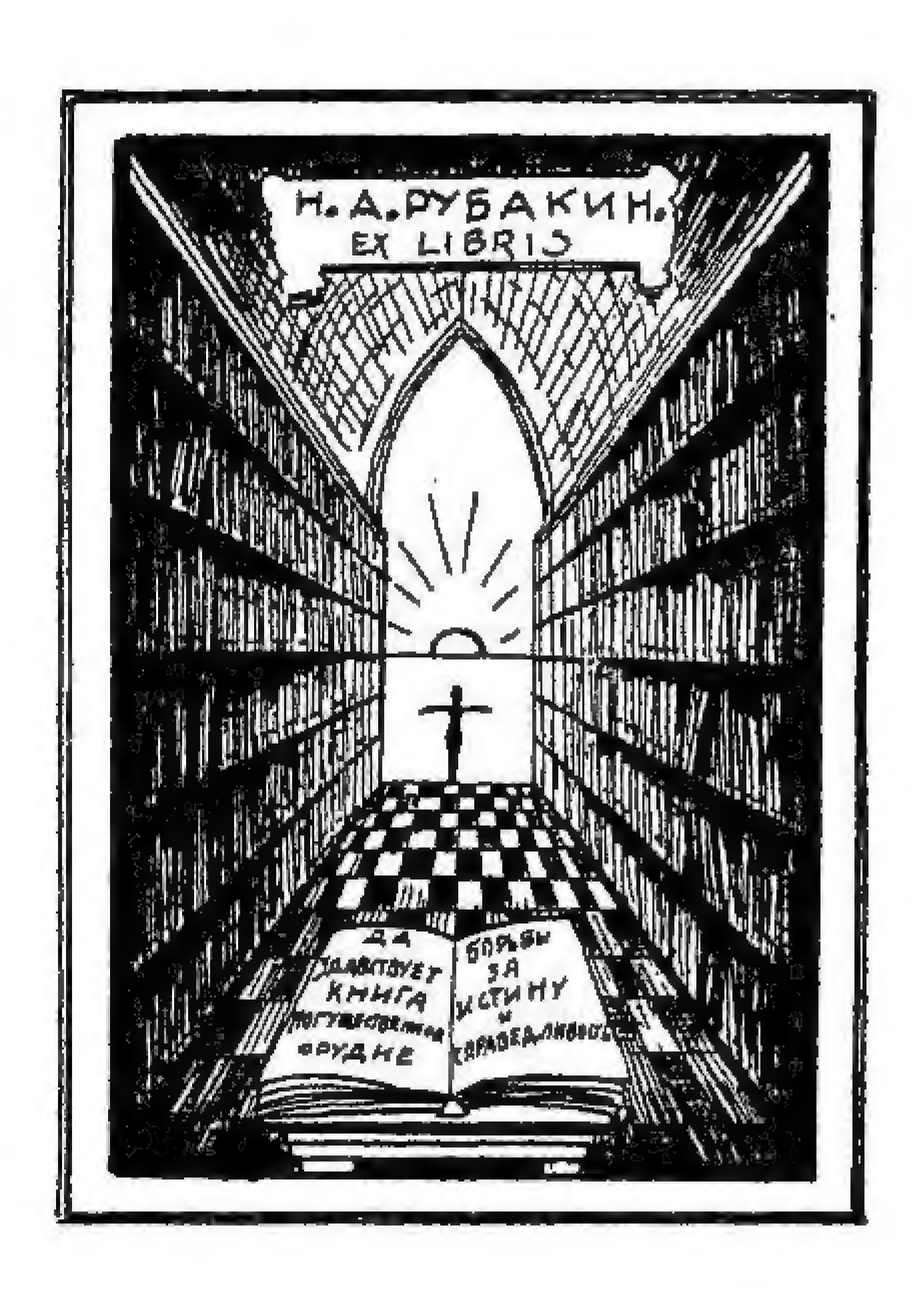
Если бы хоть сотая доля той энергіи, которая тратится теперь революціонерами на достиженіе внѣшнихъ недостижимыхъ цѣлей, тратилась бы на такую внутреннюю духовную работу, давно уже, какъ снѣгъ на лѣтнемъ солнцѣ, растаяло бы то зло, съ которымъ такъ боролись и тщетно борятся теперь революціонеры.

Вотъ тѣ мысли, которыя вызвала во мнѣ ваша статья.

Если найдете нужнымъ, напечатайте это письмо въ видѣ предисловія.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна.
22-го Іюля 1904 г.


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
КНИГА
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И

О РЕВОЛЮЦІИ.

„Не дѣлайтесь рабами человѣковъ".
(1-ое Посл. къ Кор. Гл. 7, ст. 23).

Обращаюсь къ вѣрующимъ въ Бога русскимъ людямъ; и притомъ, главнымъ образомъ, — къ отпавшимъ отъ «господствующей» церкви и гонимымъ правительствомъ. Церковниковъ я здѣсь не имѣю въ виду: они слушаются своихъ духовныхъ руководителей и боятся, когда обращаются прямо къ ихъ совѣсти. Не имѣю здѣсь въ виду также и тѣхъ, которые считаютъ себя «невѣрующими»: самое слово «Богъ» отталкиваетъ такихъ людей. Они думаютъ, что оно всегда обозначаетъ нѣчто суевѣрное. Я же употребляю это слово совсѣмъ не въ суевѣрномъ смыслѣ. Но если бы между церковниками или невѣрующими нашелся такой, который пожелалъ бы меня понять, то я обращаюсь и къ нему. Каждый знаетъ въ себѣ того Бога, о которомъ я говорю, — все равно, называетъ ли онъ это Богомъ или нѣтъ. Богъ для меня — это то, что̀ есть въ человѣкѣ самаго лучшаго, высокаго, несомнѣннаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ — то, чего нельзя опредѣлить никакими словами.

Вѣрующіе въ Бога русскіе люди, преслѣдуемые правительствомъ, понимаютъ различные вопросы очень разнообразно. Но въ одномъ они всѣ сходятся: они ищутъ правды Божьей, стараются исповѣдывать ее согласно своей совѣсти и, ради этого, готовы нести и несутъ всякія страданія.

Вотъ къ этимъ-то людямъ и обращаюсь я.

I.

Когда Іисусъ умиралъ на крестѣ и враги его глумились надъ нимъ, то онъ сказалъ: „прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“. Когда христіанскій мученикъ Иванъ Гусъ былъ привязанъ къ столбу для сожженія, набожная старушка подошла и своими руками подожгла хворостъ въ одномъ углу костра. Она думала, что совершаетъ богоугодное дѣло, принимая участіе въ сожженіи „еретика“. Гусъ понялъ старушку и, грустно улыбнувшись, сказалъ: „святая простота!“ Во всѣ времена люди, истинно вѣровавшіе въ Бога, когда страдали и умирали за совѣсть, не ожесточались противъ своихъ палачей, не бранили и не проклинали ихъ, а жалѣли за ихъ темноту и изувѣрство.

Такъ-же и въ наше время. Недавно на Кавказѣ духоборы стали отказываться отъ военной службы, не желая быть убійцами. За это русское правительство хотѣло ихъ истребить. Тысячи духоборовъ были разорены и сосланы. Они голодали, болѣли и медленно умирали отъ истощенія. Много сотенъ тогда погибло. Страдая и умирая, они молились за своихъ мучителей и говорили: „прости ихъ, Господи; спаси души ихъ; обрати ихъ отъ пути беззаконія“.

Сколько времени и какъ жестоко русское правительство гнало людей, вѣрующихъ въ Бога не по-православному, а по своей совѣсти! Но до сихъ поръ люди эти не впали ни въ отчаяніе, ни въ ожесточеніе, и число ихъ все растетъ.

Такъ называемые „революціонеры“ думаютъ, что возможно избавиться отъ правительства только насильственнымъ возстаніемъ.*) Они знаютъ, что людямъ, гонимымъ правительствомъ

*) Примѣчаніе. По крайней мѣрѣ, я здѣсь называю революціонерами только такихъ людей. Если же называть „революціонною“ также и дѣятельность тѣхъ соціалистовъ, которые хотятъ мирнымъ путемъ достигнуть лучшихъ порядковъ, — то въ этомъ смыслѣ свободно-христіанское ученіе еще гораздо болѣе революціонно. Оно занимается усовершенствованіемъ внутреннихъ человѣческихъ побужденій и улучшеніемъ взаимныхъ отношеній между людьми. А отъ этого гораздо больше зависитъ прочное измѣненіе къ лучшему всего общественнаго устройства, нежели отъ тѣхъ внѣшнихъ переворотовъ или реформъ, которыхъ добиваются соціалисты.

за вѣру, приходится еще хуже, чѣмъ остальному рабочему народу. Желая возбудить этихъ людей къ насильственному возстанію, нѣкоторые революціонеры стали распространять въ Россіи много печатныхъ листковъ и книжекъ, составленныхъ для того, чтобы разжечь въ гонимыхъ озлобленіе и ненависть противъ гонителей. Какъ православная церковь поддѣлала ученіе Христа, чтобы учить людей правительственному насилію, такъ и эти революціонеры въ своихъ книжкахъ стараются поддѣлать христіанское ученіе такъ, чтобы подбить людей участвовать въ насиліи противъ правительства.

Такая проповѣдь вражды и насилія не можетъ, конечно, соблазнить людей, которые пріобщились христіанскаго духа и сохраняютъ его въ себѣ. Но людямъ, еще не окрѣпшимъ въ этомъ духѣ, или же ослабѣвшимъ, она можетъ повредить. Поэтому желательно внимательно разобрать, возможно ли тѣмъ, кто вѣритъ въ Бога и въ нравственное ученіе Христа, добиваться свободы посредствомъ вооруженнаго возстанія, иначе сказать — посредствомъ ненависти, драки и убійства? И вообще — какое должно быть отношеніе христіанина къ государственному злу?

2.

Служить людямъ можно двумя путями.

Можно впередъ рѣшить, какіе внѣшніе порядки нужны для блага людей: а затѣмъ уже стараться установить эти порядки и бороться противъ всего того, что этому мѣшаетъ. Жизнепониманіе человѣка, поступающаго такъ, можно назвать „общественнымъ“, потому что онъ считаетъ высшей цѣлью своей жизни служеніе тому *обществу* или собранію людей, которому онъ больше всего преданъ.

Въ былое время, когда государственное устройство больше соотвѣтствовало тогдашнимъ нуждамъ и желаніямъ самого народа, искренніе, лучшіе люди общественнаго пониманія часто служили правительству. Но въ наше время государственное устройство почти нигдѣ не согласуется съ волею народа. Русское правительство, какъ мы всѣ знаемъ, не заботится о настоящемъ благѣ народа, но притѣсняетъ и обираетъ его. Теперь, если кто служитъ правительству, то главнымъ образомъ ради своей выгоды, или же, въ лучшемъ случаѣ, — изъ преданности

мертвымъ учрежденіямъ: престолу, церкви, государству. Наиболѣе же искренніе и чуткіе люди общественнаго жизнепониманія въ настоящее время большей частью заступаются за притѣсняемый народъ. Они стараются облегчить его положеніе и помочь ему избавиться отъ правительственнаго гнета. И такъ какъ они не знаютъ другихъ средствъ для избавленія отъ правительственнаго насилія, кромѣ насильственнаго же возстанія, — то многіе изъ нихъ становятся революціонерами.

Человѣкъ общественнаго пониманія не признаетъ, чтобы могло быть что-нибудь выше человѣческаго благополучія. Добромъ онъ считаетъ только то, что̀, по его мнѣнію, полезно для тѣхъ людей, которымъ онъ служитъ. Ни въ какое высшее Начало добра онъ не вѣритъ и потому совершаетъ, безъ разбора, какіе угодно поступки, если только это выгодно для его цѣлей. Для служенія людямъ онъ готовъ и обманывать, и драться, и убивать; и, что̀ всего хуже, — готовъ этому же учить и другихъ людей, отравляя ихъ души. Когда цѣль хороша, то онъ считаетъ хорошими и всякія средства, ведущія къ ней, по поговоркѣ: „цѣль оправдываетъ средства".

Правда, самую поговорку эту люди общественнаго жизнепониманія не любятъ и даже обижаются, когда ее относятъ къ нимъ. Въ глубинѣ души у нихъ, очевидно, сохраняется смутное сознаніе, что бываютъ поступки сами по себѣ скверные. Но когда эти люди смѣло слѣдуютъ своему ученію, то для нихъ нѣтъ ничего запретнаго. Наиболѣе откровенные изъ нихъ такъ прямо и говорятъ, что, какъ это ни тяжело, но ради людского блага, надо быть готовымъ совершать поступки самые жестокіе и отвратительные.

Совершенно иначе служитъ людямъ человѣкъ „божескаго" жизнепониманія.

Вѣрующій въ Бога прежде всего служитъ тому Началу жизни, изъ котораго онъ изошелъ. Голосъ Божій въ его душѣ раскрываетъ ему законъ добра, правды и любви. Смыслъ жизни для такого человѣка состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться требованіямъ этого голоса, — „исполнять волю пославшаго его", какъ говорилъ Христосъ. Такой человѣкъ довѣряетъ Богу и увѣренъ, что отъ исполненія Его воли не можетъ произойти ничего плохого для людей. Онъ знаетъ, что, служа Богу, онъ самымъ вѣрнымъ образомъ служитъ и людямъ; потому что человѣку дано безо-

шибочно и несомнѣнно знать въ его совѣсти, что̀ онъ долженъ дѣлать для исполненія воли Бога; а то, что̀ будетъ содѣйствовать благу другихъ людей, скрыто отъ него.

3.

Такъ служитъ людямъ человѣкъ вѣрующій, когда онъ помнитъ Бога и исполняетъ Его волю. Но бываетъ, что въ вѣрующемъ ослабѣваетъ духовная жизнь. Тогда онъ способенъ переходить на ступень общественнаго пониманія. Это случается съ людьми вѣрующими, когда они усвоиваютъ взгляды революціонеровъ и содѣйствуютъ или готовы содѣйствовать ихъ дѣятельности.

Въ этомъ великая ошибка. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога, знаетъ, что ему данъ высшій законъ духовнаго разумѣнія, чтобы руководить всей его жизнью. Этотъ законъ требуетъ отъ него, чтобы онъ поступалъ съ другими такъ, какъ желалъ бы, чтобы другіе поступали съ нимъ. Для вѣрующаго законъ этотъ столь же обязателенъ, какъ для растеній и животныхъ обязательны ихъ законы. Онъ указываетъ человѣку, какъ ему слѣдуетъ поступать въ каждую настоящую минуту; но не раскрываетъ ему, какія будутъ послѣдствія его поступковъ. Но хотя вѣрующій человѣкъ и не можетъ впередъ угадать, что̀ именно выйдетъ изъ его поступковъ, — онъ твердо знаетъ, что ихъ послѣдствія будутъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онъ держится закона добра, правды и любви.

Онъ знаетъ также, что въ дѣйствительной жизни большей частью случается вовсе не то, чего ожидали, а совсѣмъ другое. Не даромъ сложилась поговорка: „Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ“.

Если вѣрующіе отказываются употреблять, хотя бы для самыхъ лучшихъ цѣлей, скверныя средства — какъ напримѣръ: обманъ, насиліе, убійство, — то отказываются они вовсе не потому, что слѣпо подчинились какимъ нибудь внѣшнимъ правиламъ, вродѣ: „не лги“, „не противься злу“, „не убій“. Такъ думаютъ и говорятъ о нихъ только люди, не понимающіе самой сущности духовнаго разумѣнія. Вѣрующій человѣкъ только потому воздерживается отъ скверныхъ средствъ, что для него употреблять такія средства значило бы отказаться отъ смысла своей жизни, — измѣнить той истинѣ, которой

онъ служитъ. Онъ знаетъ, что восторжествовать надъ зломъ можетъ одно только добро, одна только правда Божья. Если же онъ измѣнитъ своему Богу, то лишится Его помощи и потеряетъ ту силу, которая необходима для успѣшной борьбы со зломъ и безъ которой не стоитъ жить.

Вотъ почему всякій вѣрующій будетъ обращать главное вниманіе на выясненіе себѣ божескаго закона духовнаго разумѣнія. Онъ будетъ всѣ силы употреблять на осуществленіе этого закона. И будетъ знать, что, поступая такъ, онъ исполняетъ свое истинное назначеніе. Онъ не станетъ думать впередъ о о томъ, какое вліяніе онъ долженъ имѣть на людей или какую пользу онъ призванъ имъ оказать. Онъ не станетъ рѣшать, какое именно общественное зло ему назначено уничтожить. Если же онъ и намѣтитъ себѣ впередъ какую нибудь внѣшнюю задачу, то, ради нея, онъ никакъ не станетъ нарушать основной законъ Бога, требующій неизмѣннаго своего исполненія для блага самого человѣка и всего существующаго. Когда такому человѣку приходится выбирать одно изъ двухъ: или покривить душой ради того, чтобы оказать людямъ пользу; или же, повинуясь своей совѣсти, пожертвовать кажущейся пользой людской, — то онъ отдаетъ предпочтеніе голосу Божьему въ своей совѣсти.

Человѣкъ же общественнаго пониманія считаетъ, что слѣдуетъ поступать какъ разъ наоборотъ. Онъ думаетъ, что если кто, ради соблюденія своей правды передъ Богомъ, жертвуетъ кажущимся благомъ другихъ людей, — то, значитъ, такой человѣкъ недостаточно отказался отъ себя, чтобы достойно служить людямъ. Но такое сужденіе показываетъ только, что человѣкъ общественнаго пониманія не знаетъ, что высшій законъ человѣческой жизни есть духовное разумѣніе. Хотя онъ и желаетъ дѣлать добро людямъ; но въ силу добра онъ не вѣритъ. Онъ не понялъ еще, что ему, какъ и всѣмъ людямъ, назначено слѣдовать голосу своего божескаго сознанія, а не слѣпымъ порывамъ или разсудочнымъ соображеніямъ; и что, слѣдуя этому голосу Божьему, никакъ не повредишь людямъ; но, напротивъ, принесешь имъ самую большую пользу, какую только въ состояніи принести.

4.

Люди общественнаго жизнепониманія не сознаютъ того, что, даже ради самыхъ добрыхъ цѣлей, нельзя совершать скверныхъ поступковъ. Они слѣдуютъ своимъ чувствамъ, или же своимъ разсудочнымъ соображеніямъ, наперекоръ непреложнымъ законамъ добра и правды. И потому, вмѣсто пользы, они приносятъ вредъ.

Такъ напримѣръ, въ 1881 году, революціонеры разсудкомъ разсчитали, что, если убьютъ царя, то рабочему народу отъ этого станетъ лучше. Они и убили Александра II какъ разъ въ то время, когда онъ собирался нѣсколько ослабить правительственный гнетъ. Убійствомъ этимъ революціонеры посадили на престолъ Александра III, а послѣ него — теперешняго Николая II. И оба эти царя, ожесточенные убійствомъ Александра II, стали притѣснять народъ еще гораздо хуже, чѣмъ Александръ II. Но урокъ этотъ не раскрылъ глаза революціонерамъ. Они продолжаютъ подбивать людей на насильственную борьбу съ правительствомъ. А въ дѣлѣ насилія правительство въ тысячу разъ сильнѣе ихъ.

Когда среди рабочихъ на фабрикахъ появляются революціонные листки и прокламаціи, разжигающіе озлобленіе и призывающіе къ возстанію, то жены рабочихъ впадаютъ въ отчаяніе. Онѣ по горькому опыту знаютъ, что за этимъ послѣдуютъ новыя бѣдствія и еще худшая нужда, а можетъ быть и насильственная разлука съ мужьями и сыновьями — единственными опорами семьи. Сами же рабочіе, тѣ которые уцѣлѣли послѣ драки съ правительственными войсками, — избитые, разсаженные по тюрьмамъ или сосланные за тысячу верстъ отъ своихъ семей, — часто проклинаютъ своихъ руководителей-революціонеровъ, только посулившихъ имъ журавля въ небесахъ. Но революціонеры такъ ослѣплены ненавистью, такъ увлечены своей „конспиративной“ дѣятельностью, что не видятъ всего безумія борьбы насиліемъ противъ несравненно сильнѣйшаго врага. Они продолжаютъ кричать: „Ура!“ „Долой тирана!“ „Наша взяла!“ не обращая вниманія на погибель тѣхъ людей, которыхъ увлекаютъ за собой. Они не думаютъ о томъ, что охотно страдать и радостно жертвовать собою въ борьбѣ съ притѣснителями могутъ только тѣ люди, которые дѣлаютъ это не изъ желанія улучшить свое положеніе, а ради исполненія требованій своей совѣсти.

Хотя среди возстающихъ противъ правительства, такъ называемыхъ „распропагандированныхъ“ рабочихъ такія отдѣльныя личности, готовыя совершенно пожертвовать собою, и встрѣчаются; но ихъ сравнительно очень мало. Большинство же рабочихъ, примыкая къ революціонному движенію, надѣется, совершенно понятно, этимъ облегчить свое тяжелое положеніе. И вотъ эти-то люди, когда видятъ, что вмѣсто того имъ стало еще гораздо хуже, — горько раскаиваются въ своемъ легкомысліи.

Но допустимъ самое невѣроятное. Предположимъ, что мѣстные уличные безпорядки и убійства въ концѣ концовъ вызовутъ болѣе обширное возстаніе среди рабочаго народа. Что̀ произойдетъ тогда? Это привело бы только къ кровопролитной, братоубійственной войнѣ между рабочими и войсками. И въ этой междоусобной войнѣ всѣ преимущества были бы опять таки на сторонѣ правительства. Но предположимъ даже, что, въ свое время, народъ побѣдилъ бы. Можно ли, въ такомъ случаѣ, разсчитывать на то, что онъ съумѣлъ бы ввести новые, лучшіе общественные порядки? Если, послѣ продолжительной междоусобной войны, побѣда и досталась бы народу, то народъ этотъ составляли бы толпы разъяренныхъ людей, озвѣрѣвшихъ въ дикой рѣзнѣ. Понятно, что эта масса одичавшихъ людей, потерявшихъ божескій обликъ и всякую власть надъ собою, оказалась бы въ полномъ распоряженіи тѣхъ вождей, которые руководили ею во время войны. А во время междоусобной рѣзни командуютъ толпами народа люди самые безсовѣстные и отчаянные. Захвативши въ свои руки власть, люди эти еще хуже, чѣмъ кто-либо другой, стали бы вить веревки изъ того же рабочаго народа и губить его сотнями тысячъ, ради удовлетворенія своего собственнаго тщеславія, честолюбія и выгоды. Такъ постоянно бывало въ исторіи человѣчества. Да иначе и быть не можетъ: когда народъ теряетъ удержь надъ собою, то онъ неизбѣжно становится слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ обманщиковъ.

Не такъ бываетъ при другой борьбѣ со зломъ, — борьбѣ посредствомъ не зла, а добра. Послѣдствія такой божеской борьбы всегда благотворны, хотя людямъ нетерпѣливымъ часто и кажется, что послѣдствія эти слишкомъ медленно показываются. „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“.

Іисусъ умеръ, не совершивъ никакихъ переворотовъ въ общественномъ строѣ, убитый людьми, не понимавшими его ученія. А между тѣмъ никакой человѣкъ не имѣлъ столько вліянія на послѣдующее развитіе человѣческаго сознанія, какъ этотъ всѣми оставленный нищій неудачникъ, въ отчаяніи взывавшій передъ смертью: „Богъ мой, Богъ мой, для чего ты меня покинулъ?“ И теперь, 19 вѣковъ спустя, человѣческое сознаніе только еще начинаетъ созрѣвать для полнаго пониманія той истины, ради которой онъ жилъ и умеръ. То же было, въ большей или меньшей степени, со всѣми людьми, имѣвшими благотворное вліяніе на жизнь человѣчества. И то же несомнѣнно будетъ съ каждымъ изъ насъ, въ его скромной долѣ, если только онъ будетъ прислушиваться къ голосу Божьему въ своей душѣ и слѣдовать его указаніямъ; а не своевольно прибѣгать ко злу, ради достиженія добра.

5.

Люди общественнаго пониманія не видятъ всего значенія божескаго просвѣщенія. Многіе изъ нихъ даже думаютъ, что великіе учителя духовнаго разумѣнія, какъ напримѣръ Іисусъ Христосъ, Сидарта Будда, Лаодзе и другіе, — имѣли вредное вліяніе на людей. Они воображаютъ, что эти учители пріучали людей думать не о здѣшней, земной жизни, но о другой, „загробной“, и полагаться на чудесную помощь отъ Бога вмѣсто того, чтобы своими собственными усиліями улучшать свое положеніе. Революціонеры такъ прямо и говорятъ, что смиреніе, прощеніе обидъ, любовь къ врагамъ, — что всѣ эти христіанскія добродѣтели только портятъ людей, дѣлая ихъ равнодушными ко злу и заставляя ихъ раболѣпно подчиняться всѣмъ, кому только захочется ими помыкать.

Но революціонеры не понимаютъ истиннаго ученія Іисуса, которое, напротивъ того, избавляетъ отъ всякого рабства и даетъ свободу. Они знаютъ и понимаютъ одно только церковное ученіе, скрывшее и исказившее настоящее ученіе Іисуса. Церковь дѣйствительно давно продала себя государству и дѣйствительно всячески внушаетъ людямъ, что христіанское ученіе требуетъ отъ нихъ, чтобы они безпрекословно подчинялись предержащимъ властямъ, какіе бы злые поступки эти власти ни предписывали. А правительствамъ церковь льститъ

и именемъ Бога оправдываетъ всѣ ихъ жестокости и злодѣянія. При этомъ церковь ссылается на разныя библейскія изрѣченія или „тексты“, благо возможно доказать все, что угодно, по любой книгѣ, если выдергивать изъ нея и сопоставлять отдѣльныя мѣста, нарочно для того выбираемыя. Но вѣдь все это — самый безсовѣстный обманъ и клевета на ученіе Іисуса. Въ настоящее время обманъ этотъ все яснѣе и яснѣе обнаруживается. Появляется все больше людей, принимающихъ христіанское ученіе во всей его чистотѣ. Эти люди знаютъ, что оно не только не имѣетъ ничего общаго съ „православнымъ“ суевѣріемъ; но что церковный обманъ больше всего на свѣтѣ вредитъ истинному христіанству.

Христіанское ученіе, правда, не допускаетъ насилія.*) Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что оно предписываетъ слѣпо подчиняться правительству. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, многіе „вѣрующіе“ люди такъ думаютъ и даже относятся къ правительству съ какимъ-то подобострастіемъ. Воспитанные подъ вліяніемъ ложнаго толкованія христіанскаго ученія, они полагаютъ, что государственная власть содержитъ въ себѣ нѣчто священное, и что человѣкъ долженъ ей подчиняться, не разбирая, согласуется ли она съ требованіями его совѣсти. На самомъ же дѣлѣ, какъ и указывали послѣднее время многіе искренніе христіане, ученіе Іисуса, если его вѣрно понять, имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Оно внушаетъ доброжелательство ко всѣмъ людямъ безъ исключенія и побуждаетъ поступать съ другими, какъ желаешь, чтобы другіе поступали съ тобой. Государственная же власть вся основана какъ разъ на обратномъ. Іисусъ былъ казненъ правительствомъ и церковью именно за то, что онъ не хотѣлъ имъ потакать.

И потому настоящій христіанинъ можетъ относиться къ правительству, основанному на насиліи, только какъ къ шайкѣ разбойниковъ. Разбойниковъ можно жалѣть за ихъ темноту. Можно стараться просвѣтить ихъ сознаніе. Но никакъ не

*) Примѣчаніе. Говоря о христіанскомъ ученіи, я никакъ не разумѣю собраніе какихъ-либо внѣшнихъ правилъ, писанныхъ или неписанныхъ, воспринимаемыхъ человѣкомъ по довѣрію къ какимъ-либо „учителямъ“, умершимъ или живымъ, или — къ книгамъ, почитаемымъ „священными“. Подъ „христіанскимъ ученіемъ“ я разумѣю то, свое собственное, внутреннее душевное состояніе человѣка, которое вытекаетъ у него изъ свободнаго христіанскаго пониманія жизни.

слѣдуетъ воображать, что ты обязанъ передъ Богомъ слушаться ихъ или помогать имъ. Напротивъ того, если разбойникъ пожелаетъ поручить тебѣ какое-нибудь дѣло, то лучше всего впередъ отказаться, такъ какъ дѣло это почти навѣрное будетъ дурное. Такъ же точно и съ правительствомъ. Всякое требованіе правительства такъ или иначе, прямо или косвенно, но почти навѣрное связано съ какимъ-нибудь сквернымъ дѣломъ и потому противно ученію Христа.

Въ Россіи, вотъ уже нѣсколько столѣтій, держится все одна и та же государственная власть, называемая „самодержавною". По тому, что власть эта существуетъ такъ долго, люди, мало думающіе, воображаютъ, что эта власть неприкосновенна и установлена разъ навсегда. Но есть другія страны, въ которыхъ правительства часто уже смѣнялись. И въ этихъ странахъ народъ вовсе не воображаетъ, что правительственная власть такъ „священна", что ее нельзя смѣнять даже тогда, когда она становится вредной для общественнаго блага. Напротивъ того, въ этихъ странахъ признаютъ, что плохое правительство слѣдуетъ удалять и замѣнять другимъ, лучшимъ.

6.

Въ Англіи уже неоднократно одна государственная власть смѣнялась другой. Вотъ, что̀ пишетъ въ своемъ сочиненіи объ отношеніи христіанина къ государственной власти одинъ изъ ученыхъ богослововъ англиканской церкви, жившій еще въ 18-мъ столѣтіи.

„Человѣкъ долженъ повиноваться правительству только тогда, когда это нужно для народнаго блага. Богъ желаетъ блага людей. Каждый подданный также долженъ желать блага своего народа. И потому воля Божья требуетъ, чтобы мы подчинялись существующему правительству, только пока оно служитъ народному благу... Кто же долженъ рѣшить, исполняетъ ли правительство свое назначеніе?... Каждый долженъ это рѣшить самъ для себя... Нѣтъ закона, нѣтъ власти, которымъ слѣдовало бы продолжать подчиняться, если для народнаго блага полезнѣе ихъ смѣнить. Права царствующей семьи, порядокъ престолонаслѣдія, государственная власть, законы, назначеніе и власть различныхъ правительственныхъ лицъ, — все это слѣдуетъ отмѣнить, если только народное благо того

потребуетъ. И отмѣнить все это можно либо законодательнымъ порядкомъ, либо вмѣшательствомъ самого народа... Правители столько же обязаны служить народу, сколько народъ обязанъ имъ подчиняться. И потому когда правительство притѣсняетъ народъ, то подчиняться подобному правительству есть преступленіе. Такое раболѣпіе развращало бы послѣдующія поколѣнія. Воля Божья не можетъ предписывать это..."

Въ доказательство справедливости своего мнѣнія, тотъ же богословъ ссылается на извѣстныя мѣста Новаго Завѣта: Посланіе къ Римлянамъ, гл. 13, ст. 1 — 7, и Первое Посланіе Петра, гл. 2, ст. 13 — 18. Онъ объясняетъ, что въ этихъ мѣстахъ апостолы только вообще говорятъ, что слѣдуетъ повиноваться властямъ; но никакъ не указываютъ, до какихъ именно предѣловъ слѣдуетъ имъ повиноваться. „Вѣдь также", говоритъ онъ, „сказано, что слуги должны повиноваться своимъ господамъ, дѣти — своимъ родителямъ. Но никакой послѣдователь Евангелія не станетъ утверждать, что слуги и дѣти должны повиноваться безъ всякаго разбора и безгранично. Каждый согласенъ, что, если хозяинъ или родитель прикажетъ совершить дурное дѣло или преступленіе, то такому приказанію повиноваться не слѣдуетъ. Совершенно такъ же должны христіане поступать и съ правительствомъ, т. е. не подчиняться ему, когда оно требуетъ того, что̀ противно совѣсти".

Въ другой странѣ, — въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, — въ серединѣ прошлаго столѣтія жилъ христіанскій писатель Балу. Онъ вѣрилъ въ боговдохновенность каждаго слова Библіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ глубоко проникнутъ истиннымъ духомъ ученія Христа, и потому не допускалъ насилія человѣка надъ человѣкомъ. По поводу отношенія христіанина къ государству онъ высказалъ свой взглядъ въ своей превосходной книгѣ: „О непротивленіи". Разбирая ту же самую 13-ую главу Римлянъ, вотъ, что̀ онъ говоритъ:

„Перенесемся во времена Павла и посмотримъ, какое было тогда римское правительство съ его кесарями и намѣстниками? Сколько самовластія, порабощенія, жестокости и самыхъ злыхъ дѣяній возстанутъ передъ нами и возбудятъ въ насъ отвращеніе и ужасъ! Что̀ скажемъ мы объ императорѣ Неронѣ, при которомъ Павелъ, Петръ и тысячи христіанъ были замучены? Одно имя этого императора напоминаетъ

намъ самую ужасную жестокость, звѣрство, безграничный деспотизмъ. А между тѣмъ онъ былъ высшимъ начальникомъ римской имперіи, и, слѣдовательно, къ нему также относились слова Павла: „Божій слуга“, „страшный для злыхъ“, „отмститель въ наказаніе дѣлающимъ зло“, „начальникъ, не напрасно носящій мечъ“. Если начальники, подобные Нерону, представляютъ „установленную Богомъ власть“ и „слугъ Божьихъ“, то какимъ же образомъ могли они такъ жестоко гнать апостоловъ? Не могъ же Богъ одобрять ихъ поступки. Не могли эти люди быть исполнителями воли Божьей. И потому я думаю, что такіе тираны служатъ орудіями Божіими только въ томъ смыслѣ, что они *закаливаютъ* праведныхъ людей въ дѣлѣ служенія Богу. Только въ такомъ смыслѣ возможно согласиться, что предержащія власти дѣйствительно содѣйствуютъ добру...

„У насъ еще нѣтъ христіанскаго общественнаго устройства потому, что самъ народъ еще не сталъ христіанскимъ. Народъ еще даже не стыдится своего рабства. Онъ не замѣчаетъ позора и проклятія своего положенія. Если мы настоящіе христіане, то должны свѣтить свѣтомъ передъ людьми — примѣромъ нашей жизни и словомъ истины. Мы должны высоко держать наше знамя и терпѣливо продолжать великое дѣло созиданія новаго сердца и новаго духа въ себѣ самихъ и въ другихъ. Намъ не слѣдуетъ нарушать ученія Христа ни ради того, чтобы помогать правительству въ его злыхъ дѣлахъ, ни ради того, чтобы участвовать въ подпольныхъ заговорахъ противъ правительства. Христіанинъ не долженъ содѣйствовать правительственному злу своимъ раболѣпнымъ послушаніемъ; и не долженъ также бороться съ этимъ зломъ противо-христіанскими средствами. Въ этомъ состоитъ прямой и узкій путь Христа.“

Балу, въ своей книгѣ „*О непротивленіи*“, подробно разбираетъ всѣ тѣ мѣста Священнаго Писанія, на которыя казенная церковь, а также и многіе „евангелики“ обыкновенно ссылаются, чтобы доказать, что слѣдуетъ слѣпо повиноваться правительству. И кто прочтетъ это замѣчательное сочиненіе, тотъ ясно увидитъ, что Священное Писаніе вовсе не требуетъ, чтобы люди безпрекословно подчинялись правительству.*)

---

*) Примѣчаніе. У насъ въ Редакціи хранится вполнѣ оконченный переводъ этой книги, любезно исполненный извѣстной писательницей, покойной Анной

7.

Необходимо однако замѣтить, что вопросъ о надлежащемъ отношеніи христіанина къ государственнымъ властямъ никакъ нельзя и не слѣдуетъ рѣшать однимъ только путемъ (или же главнымъ образомъ путемъ) выборки и сличенія библейскихъ текстовъ. Балу, какъ мы видѣли, доказываетъ, что противъ совѣсти подчиняться властямъ не слѣдуетъ; но доказываетъ онъ это, главнымъ образомъ, буквальнымъ толкованіемъ Писанія, сопоставленіемъ и сличеніемъ различныхъ мѣстъ Библіи. А между тѣмъ другой человѣкъ, не проникнутый, какъ онъ, истиннымъ христіанскимъ духомъ, могъ бы отыскать въ Библіи другіе тексты, или придумать другое толкованіе этихъ же самыхъ текстовъ для того, чтобы доказать совершенно обратное. Такъ всегда поступали въ защиту правительственнаго насилія и теперь продолжаютъ поступать въ защиту революціоннаго насилія многіе заблудшіе, а иногда и недобросовѣстные люди. А потому для твердаго рѣшенія такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о томъ, каково должно быть отношеніе христіанина къ государственной власти, необходимо прежде всего обратиться къ тому голосу Божьему въ нашей собственной душѣ, который указываетъ намъ, какъ должно поступать. Этотъ голосъ Божій въ былыя времена внушилъ писателямъ Библіи все хорошее и справедливое, что̀ они написали; и этотъ же самый голосъ въ настоящее время говоритъ каждому изъ насъ прямо въ его совѣсти, помимо всякой книги.

Этотъ „духъ истины", какъ называлъ его Іисусъ, несомнѣнно указываетъ намъ, что существующія правительства, — съ ихъ войсками, полиціей, судами, тюрьмами, казнями, съ ихъ возвеличеніемъ богатыхъ и праздныхъ и порабощеніемъ бѣдныхъ и трудящихся, съ ихъ лживой церковью и превратнымъ образованіемъ дѣтей, съ ихъ стѣсненіями мысли и слова и преслѣдованіями за совѣсть, — что эти правительства основаны на

Павловной Барыковой. Мы съ величайшей радостью издали бы этотъ драгоцѣнный трудъ, если бы получили необходимыя для того средства, такъ какъ считаемъ его распространеніе въ Россіи особенно желательнымъ именно въ настоящее время, когда каждому послѣдователю христіанскаго ученія неизбѣжно приходится выяснить для себя, каково должно быть его личное отношеніе къ повсемѣстно разростающейся политической борьбѣ. Ред.

злѣ и обманѣ. И потому мы знаемъ, что люди, желающіе служить добру и правдѣ, не должны повиноваться правительству.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ то же духовное сознаніе указываетъ намъ, что бороться съ правительственнымъ зломъ мы можемъ только добромъ. Если мы будемъ зломъ бороться противъ зла, и ложью — противъ лжи; если мы вообразимъ себѣ, что возможно враждою укротить ненависть, или насиліемъ водворить согласіе и братство; — то получится только новое зло. И послѣднее, какъ сочетаніе двухъ золъ, окажется горше перваго.

8.

„Такъ-то, такъ", говорятъ на это революціонеры, „повиноваться теперешнему правительству разумѣется нѣтъ надобности. Но недостаточно — только не повиноваться. Пока будетъ существовать самодержавная власть, она будетъ уничтожать, какъ мухъ, всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ людей, которые не станутъ ей подчиняться. Мы вѣдь сами, повѣрьте, не меньше вашего, желаемъ того же царства любви и братства, о которомъ вы такъ много проповѣдуете. Но мы — люди дѣла, и потому, вмѣсто того, чтобы только мечтать о такомъ царствѣ, мы хотимъ приготовить для него путь. А для этого необходимо прежде всего опрокинуть существующій государственный строй и замѣнить его новымъ. Звѣрей возможно укротить только силою. Въ настоящее время, сидѣть, какъ вы совѣтуете, сложа руки, и разговаривать о христіанскихъ добродѣтеляхъ — прямо преступно. И посмотрите — большинство передовыхъ людей — на нашей сторонѣ, а не на вашей. Къ тому же, и исповѣдуете то вы ваше христіанское ученіе только на словахъ. А мы — всѣмъ жертвуемъ. Если же, въ концѣ концовъ, правительство и окажется сильнѣе насъ, то пускай лучше мы погибнемъ въ отчаянной борьбѣ съ нимъ. Хуже отъ этого, во всякомъ случаѣ, никому не станетъ."

Такъ говорятъ революціонеры и такъ они поступаютъ. И на первый взглядъ слова ихъ какъ будто справедливы. Но стóитъ только внимательно вникнуть въ смыслъ ихъ разсужденій для того, чтобы увидать, до какой степени они ошибаются.

Во-первыхъ, нельзя отдѣлять правительство отъ народа. Это вовсе не какія-нибудь двѣ самостоятельныя силы, которыя мо-

гутъ вступать въ борьбу между собой. На самомъ дѣлѣ, сила правительства держится народомъ и только на томъ и основана, что народъ поступаетъ на службу къ правительству и исполняетъ его приказанія. Что же въ такомъ случаѣ значитъ „вооруженное возстаніе противъ правительства"? По-просту сказать, это значитъ только то, что одна часть народа — безъ мундировъ — начинаетъ драться и рѣзаться съ другой частью того же самаго народа — въ мундирахъ. Желать этого могутъ только люди, не понимающіе въ чемъ дѣло, или же старающіеся въ мутной водѣ рыбу ловить.

Во-вторыхъ, изъ того, что людей христіанскаго жизнепониманія — мало, а революціонеровъ — много, еще вовсе не слѣдуетъ, что революціонеры правы. Всякое коренное и вѣрное разрѣшеніе вопросовъ жизни, всякое новое, дѣйствительно передовое движеніе — всегда сначала захватываетъ очень небольшое число людей.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему революціонное движеніе такъ легко разростается, именно въ томъ и заключается, что, по самому существу своему, въ немъ нѣтъ ничего новаго. Это вовсе не „революція" въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Революція значитъ: „переворотъ." А всякій истинный переворотъ въ жизни людей, всегда начинается внутри человѣка, въ его сознаніи, и затѣмъ уже проявляется въ измѣненіи внѣшнихъ общественныхъ порядковъ. А то, что̀ теперь называется, совсѣмъ неправильно, „революціей", есть только вывороченное на изнанку очень старое заблужденіе о томъ, будто враждой и насиліемъ возможно водворить человѣческое благо. Въ этомъ давнишнемъ и дикомъ суевѣріи правительственные и революціонные насильники совершенно схожи между собой. Вотъ почему теперешніе „революціонеры" не въ состояніи внести въ жизнь то новое, божеское начало, которое одно только имѣетъ силу совершить въ людяхъ необходимый переворотъ. Но большинство людей все еще держится этого суевѣрія о томъ, будто насиліе пригодно для улучшенія жизни. И потому-то такое множество людей сочувствуетъ революціи.

Есть еще другая причина, почему находится столько людей, готовыхъ присоединиться къ насильственной революціи. Для того, чтобы принимать участіе въ дѣятельности дѣйствительно доброй и полезной, человѣку прежде всего необходимо упорно

работать надъ самимъ собой, побѣждать свои слабости и пороки, развивать и усиливать въ себѣ свои хорошія качества. Для революціонной же дѣятельности такая работа надъ собой не нужна. Нужно, конечно, чтобы революціонеръ былъ преданъ своему дѣлу и готовъ жертвовать собою. Но вообще бороться съ своими недостатками ему нѣтъ надобности. Нѣкоторые же душевные недостатки даже прямо помогаютъ ему въ его дѣятельности. Такъ напримѣръ, самолюбіе, тщеславіе и честолюбіе, зависть и злоба, вражда, ненависть и мстительность, неправдивость, притворство, обманъ и ложь и другія свойства подобнаго же рода бываютъ пригодны для революціонной конспиративно-насильнической дѣятельности. Свойства эти направляются революціонерами на пользу ихъ дѣла точно такъ же, какъ это бываетъ на войнѣ и вообще при всякой насильственной борьбѣ. Я, разумѣется, вовсе не говорю, что всѣ революціонеры отличаются этими недостатками и пороками. Я говорю только, что когда въ революціонерѣ эти недостатки уже имѣются на лицо или начинаютъ развиваться, то ему нѣтъ никакой надобности съ ними бороться, такъ какъ они не только не мѣшаютъ ему въ его дѣлѣ, но скорѣе помогаютъ. Неудивительно, слѣдовательно, что для такой дѣятельности, которая не требуетъ отъ человѣка тяжелой борьбы съ самимъ собой, является больше охотниковъ, чѣмъ для разумной и доброй дѣятельности, всегда требующей отъ человѣка усиленной работы надъ собою.

Человѣкъ христіанскаго жизнепониманія постоянно тянется къ свѣту. Онъ старается, по мѣрѣ силъ, отыскивать и возращать все то, что есть лучшаго, высшаго, самаго чистаго въ своей душѣ. Онъ радуется малѣйшему успѣху въ своемъ нравственномъ совершенствованіи. Революціонеръ же, напротивъ того, боится своихъ лучшихъ, своихъ высшихъ стремленій. Они ему мѣшаютъ въ его дѣятельности. И потому онъ не только не поощряетъ ихъ, но остерегается ихъ и душитъ въ самомъ зародышѣ всякіе божескіе ростки, пробивающіеся въ его сознаніи. Онъ не радуется своимъ духовнымъ побужденіямъ, а страдаетъ отъ нихъ, такъ какъ они только стѣсняютъ его въ его дѣятельности. Онъ нарочно, и иногда съ величайшимъ трудомъ, задерживаетъ свое духовное развитіе. Онъ предчувствуетъ, что, если только дастъ волю тому, что есть лучшаго въ своей душѣ, — если только предоставитъ полную свободу

своему духовному росту, — то долженъ будетъ отказаться отъ революціонной дѣятельности. А этого онъ не можетъ, потому что сталъ рабомъ революціи.

9.

Революціонеры говорятъ, — въ третьихъ, — что люди, исповѣдующіе христіанство, рѣдко на дѣлѣ исполняютъ христіанское ученіе; между тѣмъ какъ сами они, революціонеры, поступаютъ согласно своимъ убѣжденіямъ. Но вѣдь это ничего рѣшительно не доказываетъ. И революціонерамъ также сочувствуютъ много такихъ людей, которые боятся имъ дѣятельно помогать. Однако нельзя же ставить это въ вину революціонерамъ. Точно также бываютъ и малодушные или слабосильные христіане. За то бываетъ и такъ, что нѣсколько тысячъ человѣкъ сразу и сообща слѣдуютъ указаніямъ христіанской истины и страдаютъ и умираютъ ради этого, какъ было, напримѣръ, съ духоборами нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ. Кромѣ того, по всему свѣту разсѣяны многія и многія отдѣльныя личности, которыя дѣйствительно осуществляютъ въ своей жизни ученіе Іисуса, на сколько это возможно человѣку. Большинство изъ этихъ людей скромно живутъ каждый въ своемъ углу. Нѣкоторые изъ нихъ находятся въ заточеніи за отказъ совершать поступки, противные ихъ совѣсти. Жизнь ихъ проходитъ безъ шума и блеска, и дѣятельность ихъ мало извѣстна на сторонѣ. Но благотворное вліяніе этихъ людей громадно. Оно отражается на окружающихъ ихъ, а затѣмъ передается отъ тѣхъ къ другимъ, и такъ далѣе безъ конца. Если люди до сихъ поръ всѣ не передушили другъ друга, а хоть медленно, но все же становятся менѣе дикими и жестокими, то это только благодаря этимъ безъизвѣстнымъ личностямъ, разсѣяннымъ по всему человѣчеству, которыя не на словахъ, а на дѣлѣ исполняли и исполняютъ христіанское ученіе. Революціонеры же, напротивъ того, не смотря на весь шумъ ихъ дѣятельности, только разводятъ среди человѣчества вражду и ненависть, насиліе и зло.

Когда указываютъ революціонерамъ на то, что они употребляютъ безнравственныя средства для достиженія своихъ цѣлей, — то они часто ссылаются на самоотверженіе и геройство своихъ товарищей, на ихъ готовность переносить какія угодно страданія и даже жертвовать жизнью за то дѣло, которому они

служатъ. Но вѣдь если бы самоотверженіе могло служить доказательствомъ правоты того дѣла, ради котораго люди жертвуютъ собой, то и православная церковь могла бы доказывать свою истинность подвигами древнихъ пустынниковъ и столбниковъ. Буддійскіе изувѣры могли бы также ссылаться на добровольныя страданія индійскихъ „самоистязателей". И военные могли бы оправдывать свое жестокое и безсмысленное ремесло на томъ основаніи, что на войнѣ они жертвуютъ своей жизнью. Люди, къ несчастью, бываютъ способны, по неразумію, совершать геройскіе подвиги, ради достиженія самыхъ ошибочныхъ и даже скверныхъ цѣлей. А примѣръ добровольной жертвы собой, хотя бы ради плохой цѣли, дѣйствуетъ прямо на чувства зрителей. И это часто привлекаетъ ихъ сочувствіе гораздо сильнѣе, чѣмъ самые справедливые доводы, обращенные только къ разумному сознанію.

На этомъ то свойствѣ человѣческой природы и основана главная привлекательность революціоннаго движенія. Люди привлекаются къ революціи, главнымъ образомъ, путемъ не разума, а чувства. Они испытываютъ чувство *жалости* къ притѣсняемому народу, чувство *возмущенія* противъ правительственныхъ безобразій, чувство *преклоненія* передъ геройствомъ пострадавшихъ товарищей. Словъ нѣтъ, — все это чувства самыя благородныя и прекрасныя, которыя — въ соединеніи съ разумнымъ сознаніемъ — могли бы вызывать благотворную дѣятельность. Но бѣда въ томъ, что когда эти чувства возбуждены въ сильнѣйшей степени у человѣка съ неокрѣпшимъ еще сознаніемъ, то они часто такъ разстраиваютъ его душевное равновѣсіе, что онъ не можетъ соображать здраво и разсудительно. Увлекаемый этими чувствами, человѣкъ опрометью бросается въ отчаянную революціонную борьбу; а затѣмъ, когда вопросъ для него такимъ образомъ уже рѣшенъ, онъ употребляетъ свои умственныя способности на то, чтобы оправдать свое поведеніе.

Я бывалъ въ близкомъ общеніи съ лучшими представителями революціоннаго движенія и съ нѣкоторыми изъ нихъ сердечно подружился. Но у всѣхъ у нихъ я постоянно замѣчалъ эту общую черту: чувство совершенно подавляло въ нихъ разсудокъ по отношенію къ общественнымъ вопросамъ. Поговоришь съ такимъ человѣкомъ въ спокойную минуту, съ глазу на глазъ,

— онъ способенъ видѣть ошибки революціоннаго движенія и съ трогательной искренностью старается увѣрить и васъ, и себя, что онъ и самъ въ сущности противъ вражды и насилія, — что ему самому противны многіе пріемы революціонной дѣятельности. Но стоитъ ему вновь оказаться въ обществѣ своихъ товарищей, стоитъ ему узнать о новомъ правительственномъ злодѣяніи, или о новомъ революціонномъ заговорѣ, — и онъ становится совершенно другимъ человѣкомъ. Неудержимая злоба овладѣваетъ имъ. Онъ лишается душевнаго равновѣсія и всякой разсудительности. Онъ опять становится безпомощной щепкой, уносимой неизвѣстно куда на волнахъ революціоннаго потока.

10.

Наконецъ, четвертое и послѣднее изъ приведенныхъ мною соображеній, которыми революціонеры стараются оправдывать свою дѣятельность, состоитъ въ томъ, что отъ нея во всякомъ случаѣ народу хуже не станетъ. Это предположеніе совершенно невѣрно. Даже съ внѣшней, чисто матерьяльной стороны отъ революціонной дѣятельности многіе страдаютъ. Страдаютъ всѣ тѣ, которыхъ правительство преслѣдуетъ за участіе въ этой дѣятельности. Страдаетъ и весь народъ вообще, вслѣдствіе того, что правители еще хуже ожесточаются отъ направленной противъ нихъ революціонной борьбы и вымѣщаютъ свое озлобленіе на тѣхъ, чья судьба отъ нихъ зависитъ. Революціонеры возмущаются противъ правительственныхъ жестокостей; но насколько жестокость эта была усилена и растравлена поступками самихъ революціонеровъ, — объ этомъ они не думаютъ. А между тѣмъ вызываемыя революціонною дѣятельностью страданія народа все увеличиваются; а сулимое революціонерами въ будущемъ народное благополучіе все остается за горами.

Но сущность дѣла не заключается въ однихъ матерьяльныхъ страданіяхъ. Между всякимъ предпріятіемъ, которое осуществляется плохими средствами, и такимъ дѣломъ, которое не допускаетъ безнравственныхъ пріемовъ, существуетъ еще другая, болѣе важная разница. Такое дѣло, которое осуществляется скверными средствами, — все равно, достигаетъ ли оно, или нѣтъ, своей цѣли, — всегда обязательно наноситъ душевный ущербъ участвующимъ лицамъ, содѣйствуя ихъ нрав-

ственному упадку. Всякое, наоборотъ, праведное дѣло, не допускающее плохихъ средствъ, — также все равно, вѣнчается ли оно внѣшнимъ успѣхомъ или нѣтъ, — всегда приноситъ людямъ нравственную пользу, возвышая и облагораживая ихъ души. Оно въ настоящемъ доставляетъ имъ внутреннее удовлетвореніе, а въ будущемъ дѣлаетъ ихъ болѣе способными измѣнить къ лучшему и общественные порядки.

На это часто возражаютъ, что бываетъ такая степень нужды, при которой человѣку невозможно нравственно совершенствоваться; и единственное спасеніе для него заключается въ кускѣ насущнаго хлѣба. Это совершенно справедливо, если оставить въ сторонѣ тѣхъ рѣдкихъ личностей, которыя духовно крѣпнутъ даже при самой крайней нуждѣ. Раньше, чѣмъ возможно нравственно помочь задавленнымъ нуждою людямъ, дѣйствительно необходимо дать имъ возможность стать на ноги. Только тогда, когда они не будутъ всецѣло поглощены заботою о своемъ пропитаніи, имъ станетъ возможнымъ заняться развитіемъ своего сознанія. Но необходимо не забывать и того, что если вы вытащили на берегъ утопавшаго человѣка и тѣмъ спасли ему жизнь, то вы этимъ еще не сдѣлали его способнымъ къ разумной и счастливой жизни. Такъ же точно, если люди освободятся отъ гнетущей нужды, то, хотя имъ и станетъ возможнымъ жить на свѣтѣ, но это еще вовсе не значитъ, что жить они непремѣнно будутъ разумно, развивая высшія стороны своей природы. Напротивъ того, мы часто видимъ, что, выбравшись изъ нужды, люди становятся кулаками и хуже кого-либо другого притѣсняютъ своего прежняго брата — рабочаго.

Революціонеры же воображаютъ, что вся сущность задачи лежитъ въ улучшеніи, какими бы то ни было путями, матерьяльнаго положенія рабочаго народа. Они вовсе не обращаютъ вниманія на то, что, употребляя безнравственныя средства въ своихъ попыткахъ улучшить положеніе народа, они развращаютъ душу народа. Наступитъ ли, нѣтъ ли, ожидаемое матерьяльное облегченіе, — это еще бабушка на двое сказала. На дѣлѣ, какъ мы видѣли, вмѣсто облегченія, часто получается ухудшеніе. Но нравственный, душевный ущербъ получается навѣрное. И отъ этого истинное благосостояніе народа во всякомъ случаѣ уменьшается.

Такъ что, полагая, что вреда отъ ихъ дѣятельности быть не можетъ, революціонеры жестоко ошибаются, — жестоко по отношенію къ тому самому народу, которому они желаютъ помочь. Такова бываетъ печальная судьба всѣхъ тѣхъ людей, которые, хотя бы съ самыми лучшими намѣреніями, рѣшаются пренебрегать вложеннымъ въ человѣческую душу непреложнымъ закономъ добра и правды.

11.

Левъ Николаевичъ Толстой — единственный человѣкъ въ Россіи, чей голосъ вотъ уже больше двадцати лѣтъ немолчно подымается въ обличеніе обмана церкви и государства и въ защиту порабощаемаго народа. Онъ говоритъ и пишетъ что̀ думаетъ во всеуслышаніе и безъ обиняковъ, не скрывая своего имени и не прячась ни за чью спину. Сочиненія его тотчасъ же переводятся на иностранные языки и извѣстны заграницей еще лучше, чѣмъ въ Россіи, потому что заграницей они не запрещены. У насъ же въ Россіи, правительство и церковь такъ боятся его правдиваго, смѣлаго слова, что не позволяютъ печатать его важнѣйшія писанія. Никто такъ хорошо, какъ Толстой, не знаетъ истинныхъ нуждъ и потребностей рабочаго народа, никто лучше его не понимаетъ русскаго простолюдина и никто болѣе искренно и самоотверженно, нежели онъ, не желаетъ освобожденія народа изъ подъ гнета его поработителей. Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ отношеніи Толстого къ этому значительнѣйшему изъ всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, необходимо прочесть всѣ его писанія послѣдняго времени. У него всякая внѣшняя дѣятельность такъ неизбѣжно вытекаетъ изъ общаго внутренняго міросозерцанія, что понять, какъ слѣдуетъ, его отношеніе къ общественнымъ вопросамъ возможно, только познакомившись сначала съ его основнымъ религіознымъ жизнепониманіемъ. Не могу, однако, удержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь, въ подтвержденіе моихъ словъ, нѣсколько выдержекъ изъ его писаній о томъ предметѣ, который мы теперь разсматриваемъ.

Никакіе взгляды Толстого не подвергались и не подвергаются такому искаженію и ложному толкованію, какъ тѣ, которые касаются именно этого вопроса о положеніи рабочаго

народа и о томъ, какъ народу освободиться изъ подъ правительственнаго гнета. А между тѣмъ взглядъ его на этотъ вопросъ такъ разуменъ и опровергнуть его такъ трудно, что даже никто изъ революціонеровъ никогда и не пытался оспаривать этотъ взглядъ. Всѣ революціонеры, которые пишутъ противъ Толстого, имѣютъ обыкновеніе сначала совершенно извращать смыслъ его словъ, приписывая ему то, чего онъ никогда и не думалъ говорить; а затѣмъ уже они опровергаютъ не Толстого, а свои собственныя измышленія о немъ. Иногда они поступаютъ такъ по недоразумѣнію, не будучи въ состояніи подняться сердцемъ и умомъ до его точки зрѣнія. Но нѣкоторые революціонеры клевещутъ нарочно, потому что не знаютъ другого способа противодѣйствовать его вліянію. Эти недобросовѣстные противники Толстого разсчитываютъ на то, что писанія его, будучи запрещены въ Россіи, многимъ неизвѣстны. А потому не мѣшаетъ лишній разъ, хоть вкратцѣ, изложить истинное отношеніе Толстого къ разбираемому нами вопросу.[1])

Одну изъ послѣднихъ своихъ статей по этому вопросу, прямо обращенную къ рабочему народу, Толстой начинаетъ такъ: „То, что вы, рабочіе, вынуждены проводить всю жизнь въ нуждѣ и тяжелой, ненужной вамъ работѣ, тогда какъ другіе люди, ничего не работающіе, пользуются всѣмъ тѣмъ, что̀ вы дѣлаете, — что вы рабы этихъ людей, и что этого не должно быть, — это видитъ всякій, у кого есть глаза и сердце."[2])

Описывая всю несправедливость существующаго строя, онъ спрашиваетъ: „Почему же владѣетъ землей не тотъ, который на ней работаетъ, а тотъ, кто не работаетъ? Почему малое число людей пользуется податями, собираемыми со всѣхъ, а

---

1) Примѣчаніе. Статьи, изъ которыхъ взяты приводимыя выдержки, были въ свое время напечатаны издательствомъ „Свободнаго Слова", къ которому и слѣдуетъ обращаться для пріобрѣтенія ихъ. Названія ихъ слѣдующія: „Рабство нашего времени", „Гдѣ выходъ?", „Неужели это такъ надо?", „Къ рабочему народу". Во всѣхъ своихъ писаніяхъ, когда только Толстой касался этого вопроса, онъ всегда указывалъ на жестокое угнетеніе рабочаго народа; перечисленныя же статьи цѣликомъ посвящены этому предмету.

Изъ самой обстоятельной статьи Толстого по этому вопросу „Обращеніе къ политическимъ дѣятелямъ", я здѣсь не привожу выдержекъ, потому что она была написана послѣ теперешней моей статьи. Къ тому же она слишкомъ потеряла бы, если вырвать изъ нея отдѣльныя мѣста. Ее необходимо прочесть подрядъ, цѣликомъ.

2) „Къ рабочему народу, стр. 3.

не тѣ, которые платятъ ихъ? Почему владѣютъ заводами не тѣ, которые построили ихъ и работаютъ на нихъ, а малое число людей, которые не строили ихъ и не работаютъ на нихъ?...[1]) Мы видимъ безчисленное количество администраторовъ: царя, его братьевъ, дядей, министровъ, судей, духовныхъ лицъ, которые получаютъ огромныя содержанія, собранныя съ народа, и не исполняютъ тѣхъ легкихъ даже обязанностей, которыя они взялись исполнять за это вознагражденіе. И потому, казалось бы, эти люди крадутъ собираемое съ народа содержаніе, т. е. собственность народа, но никому и въ голову не приходитъ судить ихъ. Если же рабочій воспользуется частью денегъ, получаемыхъ этими людьми, или предметами, купленными на эти деньги, то считается, что онъ нарушилъ священную собственность, и его за эти гроши, которыми онъ воспользовался, судятъ, сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ."[2])

Толстой говоритъ, что нельзя ожидать, чтобы правительство и богатые люди сами добровольно отказались отъ своего выгоднаго положенія въ пользу народа. „Этого освобожденія земли отъ земельнаго рабства правительство никогда не позволитъ сдѣлать, потому что большинство лицъ, составляющихъ правительство, владѣютъ землями, и на этомъ владѣніи основано все ихъ существованіе. И они знаютъ это, и потому всѣми силами держатся за это право и отстаиваютъ его...[3]) Такъ же мало, и еще меньше возможно освобожденіе отъ податей. Податями живетъ все правительство, отъ главы государства — царя — до послѣдняго городового. И потому уничтоженіе самимъ правительствомъ податей такъ же немыслимо, какъ то, чтобы человѣкъ отнялъ самъ у себя свое единственное средство существованія."[4])

---

1) „Неужели это такъ надо?" Стр. 14.
2) „Неужели это такъ надо?" Стр. 18.
3) „Гдѣ выходъ?" Стр. 6.
4) „Гдѣ выходъ?" Стр. 7. Примѣчаніе. За послѣднее время нѣкоторые революціонеры, недовольные тѣмъ, что Толстой не одобряетъ рекомендуемыхъ ими скверныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ, и желая умалить въ глазахъ народа значеніе его слова, стали распространять безсовѣстную клевету о томъ, будто Толстой и его друзья тянутъ руку правительства и богачей и совѣтуютъ рабочему народу ждать, чтобы притѣснители сами перестали его притѣснять. Приведенныя здѣсь слова самого Толстого достаточно обнаруживаютъ всю ложь этого утвержденія. Грустно и совѣстно за тѣхъ людей, которые унижаются до такихъ гнусныхъ пріемовъ клеветы. Подобные случаи могутъ служить нагляднымъ примѣромъ того,

Переходя къ вопросу о томъ, какимъ же, въ такомъ случаѣ, путемъ можетъ народъ освободиться отъ своего рабства, Толстой указываетъ на то, что путь насильственнаго возстанія противъ правительства, рекомендуемый революціонерами, — и самъ по себѣ нехорошъ, и не имѣетъ смысла въ чисто практическомъ отношеніи: „Рабство рабочихъ происходитъ отъ того, что существуютъ правительства. Но если рабство рабочихъ происходитъ отъ правительства, то для освобожденія естественно представляется необходимость уничтоженія существующихъ правительствъ и установленіе новыхъ правительствъ, — такихъ, при которыхъ было бы возможно освобожденіе земли отъ собственности, уничтоженіе податей и передача капиталовъ и фабрикъ во власть и распоряженіе рабочихъ. Есть люди, признающіе возможнымъ этотъ выходъ и готовящіеся къ нему. Но, къ счастью (потому что такое дѣйствіе, всегда связанное съ насиліемъ и убійствомъ, безнравственно и губительно для самого того дѣла, какъ это много разъ повторялось въ исторіи) — такія дѣйствія невозможны въ наше время...[1]) Средство это — насильственнаго возстанія — прежде всѣхъ другихъ представляется обиженнымъ рабочимъ, а между тѣмъ средство это не только никогда не достигаетъ своей цѣли, но всегда скорѣе ухудшаетъ, чѣмъ улучшаетъ, участь рабочихъ. Еще можно было въ старину, когда власть правительства не была такъ сильна, какъ теперь, надѣяться на успѣхъ такихъ бунтовъ; но теперь, когда въ рукахъ правительства, стоящаго всегда за неработающихъ, — и огромныя деньги, и желѣзныя дороги, и телеграфы, и полиція, и жандармы, и войско, — всѣ такія попытки всегда кончаются, какъ кончились недавно бунты въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, тѣмъ, что бунтовщиковъ казнятъ, истязуютъ; и власть неработающихъ надъ работающими только еще прочнѣе утверждается. Пытаясь насиліемъ бороться съ насиліемъ, вы, рабочіе, дѣлаете то, что дѣлалъ бы связанный человѣкъ, если бы онъ, чтобы освободиться, тянулъ бы за связывающія его веревки: онъ только затягивалъ бы крѣпче

до чего способны доходить люди, когда они признаютъ, что, если цѣль сама по себѣ имъ кажется хорошей, то должны быть хороши и всякія средства, какія бы они ни были, ведущія къ такой цѣли.

1) „Гдѣ выходъ?“ Стр. 8.

тѣ узлы, которые держатъ его. То же и съ вашими попытками отнять насиліемъ то, что̀ удерживается отъ васъ насиліемъ."[1])

Всматриваясь поближе въ отношеніе народа къ правительству, Толстой высказываетъ мысль, которая по своей очевидности и простотѣ должна бы, казалось, броситься въ глаза даже малымъ дѣтямъ. Тѣмъ не менѣе, соображеніе это совершенно упускается изъ виду людьми, въ своей запальчивости желающими во что бы то не стало борьбы. Вотъ это простое соображеніе, на которое уже было здѣсь и раньше указано: „Мы говоримъ, рабочій народъ порабощенъ правительствомъ, богатыми; но кто же эти люди, составляющіе правительство и богатые классы? Что̀ это, — богатыри, изъ которыхъ каждый можетъ побѣдить десятки и сотни рабочаго народа? Или ихъ очень много, а рабочаго народа очень мало? Или только эти люди, правители и богатые, одни умѣютъ работать все нужное и производить все, чѣмъ живутъ люди? Ни то, ни другое, ни третье. Люди эти не богатыри, а, напротивъ, разслабленные, безсильные люди. И людей этихъ не только не очень много, но ихъ въ сотни разъ меньше, чѣмъ рабочихъ. И все, чѣмъ живутъ люди, производится не ими, а рабочими, они же и не умѣютъ, и не хотятъ ничего дѣлать, а только пожираютъ то, что̀ дѣлаютъ рабочіе. Такъ отчего же эта маленькая кучка слабыхъ, праздныхъ, ничего не умѣющихъ и не хотящихъ дѣлать людей властвуетъ надъ милліонами рабочихъ? Отвѣтъ есть только одинъ: происходитъ это оттого, что рабочіе руководятся въ своей жизни тѣми же самыми правилами и законами, которыми руководятся и ихъ угнетатели ...[2]) Если бы рабочіе люди не состояли изъ такихъ же поработителей, какъ и правители и богачи, заботящихся только о томъ, какъ бы, пользуясь нуждою ближняго, устроить свое благосостояніе, а жили бы по-братски, помня другъ о другѣ и помогая другъ другу, никто бы не могъ поработить ихъ. А потому рабочимъ для того, чтобы освободиться отъ того угнетенія, въ которомъ ихъ держатъ правители и богатые, есть только одно средство: отказаться отъ тѣхъ основъ, которыми

---

1) „Къ рабочему народу", стр. 4.
2) „Къ рабочему народу", стр. 40.

они руководствуются въ своей жизни, т. е. перестать служить мамонѣ и начать служить Богу." [1])

И вотъ тутъ мы подходимъ къ вопросу съ той „божеской" стороны, которая намъ, — людямъ, признающимъ смыслъ жизни въ исполненіи воли Божьей, — должна быть особенно важна и дорога. По этому поводу Толстой такъ высказывается: „Только бы люди, желающіе служить Богу и своимъ ближнимъ, поняли, что человѣчество движется не животными требованіями, а духовными силами, и что главная движущая человѣчество духовная сила есть религія, т. е. опредѣленіе смысла жизни, и, вслѣдствіе этого смысла, различеніе хорошаго отъ дурного, и важнаго отъ неважнаго; — только бы поняли это люди, и они тотчасъ же увидали бы, что основная причина бѣдствій теперешняго человѣчества не во внѣшнихъ матеріальныхъ причинахъ: — не въ политическихъ, не въ экономическихъ условіяхъ, а въ извращеніи христіанской религіи... [2]) Выходъ не въ томъ, чтобы насиліемъ разрушать насиліе, не въ томъ, чтобы захватывать орудія производства, или въ парламентахъ бороться съ правительствами, а въ томъ, чтобы каждому человѣку самому для себя сознать истину, исповѣдывать ее и поступать сообразно съ ней... Только бы люди прилагали свои силы не къ внѣшнимъ явленіямъ, а къ причинамъ ихъ: къ своей жизни, и, какъ воскъ отъ лица огня, растаяла бы та власть насилія и зла, которая теперь держитъ и мучаетъ людей... [3]) Всѣ улучшенія въ положеніи рабочихъ произойдутъ только оттого, что они сами будутъ поступать болѣе согласно съ волей Бога, болѣе по совѣсти, т. е. болѣе нравственно, чѣмъ они поступали прежде...[4]) Самое главное, совѣтую вамъ для достиженія всего того, что̀ вамъ нужно, направлять свои силы не на борьбу съ правящими классами посредствомъ бунтовъ, революцій или соціалистической дѣятельности, а только на себя, на то, чтобы жить лучше... [5]) А поймете, что для вашего истиннаго блага вамъ нужно только жить по закону Бога братскою жизнью, дѣлая другимъ то, что̀ вы хотите, чтобы вамъ дѣлали, — и въ той мѣрѣ, въ которой

1) „Къ рабочему народу", стр. 41.
2) „Неужели это такъ надо?", стр. 31.
3) „Гдѣ выходъ?" Стр. 14.
4) „Къ рабочему народу", стр. 25.
5) „Къ рабочему народу", стр. 38.

вы поймете это и, понявши, исполните, — осуществится и то благо, котораго вы желаете, и уничтожится ваше рабство. „Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.“[1])

Человѣкъ, ставшій въ этомъ смыслѣ свободнымъ, непремѣнно откажется участвовать во всѣхъ дѣлахъ, противныхъ его совѣсти. Въ тѣхъ статьяхъ, изъ которыхъ взяты приведенныя выдержки, Толстой указываетъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе существенныхъ дѣлъ, въ которыхъ такой „свободный“ человѣкъ не можетъ по совѣсти участвовать. А именно онъ не можетъ поступать въ военную службу, платить подати, пользоваться судомъ и вообще правительственнымъ насиліемъ надъ другими людьми, наниматься на работы къ помѣщикамъ, арендовать ихъ земли и т. п. Можно было бы продолжать безъ конца исчислять всѣ тѣ дѣла, въ которыхъ разумный и самостоятельный человѣкъ не сталъ бы участвовать. Если бы только рабочіе достаточно просвѣтились, чтобы понять, что недостойно и неразумно служить правительству и богатымъ, если бы, ставъ дѣйствительно „свободными“, они перестали служить своимъ притѣснителямъ, — то весь общественный строй совершенно измѣнился бы безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. Тогда теперешніе правители вмѣсто того, чтобы вить веревки изъ народа, какъ они дѣлаютъ въ настоящее время, оказались бы въ полной зависимости отъ рабочаго народа. И потому Толстой совершенно правъ, когда говоритъ: „Для уничтоженія правительственнаго насилія есть только одно средство: воздержаніе людей отъ участія въ насиліи. И потому трудно или не трудно людямъ воздерживаться отъ участія въ правительственномъ насиліи, и скоро или не скоро проявятся благіе результаты такого воздержанія — вопросы излишніе, потому что для освобожденія людей отъ рабства есть только одно средство: другого нѣтъ. Въ какой же степени и когда осуществится въ каждомъ обществѣ и во всемъ мірѣ замѣна насилія разумнымъ и свободнымъ соглашеніемъ, утвержденнымъ обычаемъ, — будетъ зависѣть отъ силы и ясности сознанія людей и отъ количества отдѣльныхъ людей, усвоившихъ это сознаніе. Каждый изъ насъ есть отдѣльный человѣкъ, и каждый можетъ быть участникомъ общаго движенія человѣчества

---

1) „Къ рабочему народу“, стр. 43.

болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ или благой цѣлью, и можетъ быть противникомъ этого движенія. Каждому предстоитъ выборъ: идти противъ воли Бога, устраивая на пескѣ разрушающійся домъ своей скоропреходящей, лживой жизни, или примкнуть къ вѣчному, не умирающему движенію истинной жизни по волѣ Бога.“ [1])

12.

Съ этими словами Толстого будетъ, конечно, согласенъ въ душѣ своей всякій человѣкъ, вѣрующій въ Бога и понявшій ученіе Христа въ его прямомъ и простомъ смыслѣ.

Но революціонеры, хотя и желаютъ, чтобы между людьми установились добрыя отношенія, тѣмъ не менѣе сами не вѣрятъ въ силу добра. Ради водворенія всеобщаго согласія и братства, они, какъ мы видѣли, считаютъ необходимымъ пускать въ ходъ ненависть, насиліе, убійство и конспиративный обманъ. Они думаютъ, что добро само по себѣ безсильно и что для своего торжества оно нуждается въ помощи зла. Они не понимаютъ, что добро, которое не въ силахъ само за себя постоять, не есть настоящее добро.

Возможно питать затаенную ненависть противъ всякаго „начальства“ и при этомъ рабски исполнять всѣ требованія этого самого начальства. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, враги правительства, когда они отбываютъ воинскую повинность или вообще внѣшнимъ образомъ подчиняются требованіямъ властей. Возможно, и наоборотъ, не чувствовать никакого озлобленія противъ представителей власти, — даже жалѣть ихъ за ихъ темноту, — и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять передъ ними свое человѣческое достоинство и свою независимость. Такъ поступаютъ тѣ люди, которые по религіознымъ убѣжденіямъ отказываются отъ военной службы или не исполняютъ казенныхъ и церковныхъ формальностей, противныхъ своей совѣсти. Революціонеры не освободились еще отъ тѣхъ понятій государственнаго деспотизма и власти, которыя они съ дѣтства въ себя впитали. Поэтому-то они и не могутъ представить себѣ, чтобы было возможно улучшить общественную жизнь безъ ненависти и насилія. Они осуждаютъ и смѣются надъ христіа-

1) „Рабство нашего времени“, стр. 74.

нами, которые отказываются исполнять приказанія правительства, ибо никогда не вдумывались въ истинное значеніе такихъ отказовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни странно, тѣ же самые революціонеры утверждають, что эти христіане проповѣдують „рабскую покорность“ властямъ, потому только, что они дѣйствують безъ озлобленія и задора.

Но свободное пониманіе христіанскаго ученія внушаетъ, какъ мы уже видѣли, полное *неповиновеніе* правительству. И такое неповиновеніе послужило бы самымъ сильнымъ средствомъ для уничтоженія правительства. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ произошло бы, если бы русскіе люди отказались повиноваться „начальству“? Представимъ себѣ, что рабочій народъ пересталъ бы исполнять предписанія всѣхъ властей, свѣтскихъ и церковныхъ. Положимъ, что крестьяне и вообще рабочіе отказались бы исполнять церковныя требы, поступать въ военную службу, служить десятскими и полицейскими, слушаться урядниковъ, становыхъ, губернаторовъ и остальныхъ начальниковъ, перестали бы работать на помѣщиковъ и на фабрикахъ, отказались бы платить повинности и подати, перестали бы употреблять государственныя деньги. Положимъ, что вмѣсто всего этого рабочіе стали бы жить, какъ свободные люди, стали бы дѣлать только то, что̀ считають нужнымъ и разумнымъ, обрабатывая ту землю, которая у нихъ повсюду подъ руками и совершенно неправильно считается собственностью отдѣльныхъ владѣльцевъ, — стали бы, безъ помощи фабрикъ и купцовъ, сами для себя производить все то, что̀ имъ надобно, какъ дѣлалось встарину и теперь еще кое-гдѣ водится. Что тогда произошло бы? Произошло бы то, что всѣ теперешніе притѣснители народа, всѣ правители, помѣщики и капиталисты съ ихъ помощниками и приспѣшниками — очутились бы, какъ корабль на мели. Имъ было бы ѣсть нечего, и они оказались бы въ полной власти у рабочаго народа, который сталъ бы подавать имъ Христа ради и учить, какъ жить своимъ трудомъ.

Чего же можно желать лучше этого? Противъ этого можно возразить только то, что это слишкомъ просто. Такъ дѣйствительно и говорятъ ученые люди. Они не могутъ допустить, чтобы они такъ долго ломали себѣ головы надъ всевозможными науками и изобрѣтали для улучшенія общественнаго строя такъ много соціалистическихъ „программъ“ и революціонныхъ

„боевыхъ тактикъ“, когда, въ дѣйствительности, ларчикъ такъ просто открывался совсѣмъ съ другой стороны. „Для чего же мы столько вѣковъ изучали такое безчисленное количество наукъ“, думаютъ ученые люди, „если самый важный вопросъ человѣческой жизни — о правильныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между людьми — уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, несравненно проще и лучше нашего, былъ выясненъ какимъ-то галилейскимъ мужикомъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о современной намъ европейской культурѣ?“ — „Къ чему же было нашимъ павшимъ героямъ“, думаютъ революціонеры, „марать свои руки въ крови и жертвовать своей собственной жизнью въ ожесточенной борьбѣ съ правительствомъ, и къ чему было намъ слѣдовать по ихъ стопамъ, если то самое освобожденіе народа, котораго намъ не удается добиться, возможно достичь этимъ простымъ путемъ христіанскаго непослушанія?“

13.

Современные образованные люди привыкли искать разрѣшенія вопросовъ жизни не въ своемъ внутреннемъ нравственномъ сознаніи, а въ „научномъ“ изслѣдованіи внѣшнихъ вещей. Но если вникнуть въ прямой смыслъ ученія Христа, проникнувшись его духомъ, то это ученіе дастъ намъ ни съ чѣмъ не сравнимое по своей мудрости, общепонятное и общеприложимое руководство для разрѣшенія всего, что̀ касается взаимныхъ отношеній между людьми. И разрѣшеніе этихъ вопросовъ, даваемое христіанскимъ ученіемъ, включаетъ въ себѣ все то, что̀ есть разумнаго и справедливаго въ соціалистическихъ, анархическихъ, коммунистическихъ и всѣхъ остальныхъ передовыхъ ученіяхъ нашего времени. И вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское ученіе свободно отъ всего того, что̀ есть въ этихъ ученіяхъ ненужнаго, неразумнаго и недобраго. Кромѣ того свободно-христіанское жизнепониманіе отличается такою глубиною и широтою, что представляетъ неисчерпаемую сокровищницу мудрости и на будущее время для выясненія новыхъ вопросовъ жизни. Причемъ замѣчательно то, что христіанскимъ путемъ всѣ эти вопросы разрѣшаются очень просто и прочно. „Научныя“ же разрѣшенія этихъ самыхъ вопросовъ поразительно сложны и постоянно противорѣчатъ другъ другу. А въ концѣ концовъ новыя научныя теоріи всегда разрушаютъ всѣ прежнія.

Нагляднымъ подтвержденіемъ на опытѣ этихъ свойствъ христіанскаго жизнепониманія можетъ, напримѣръ, служить образъ жизни духоборовъ. Когда они подвергаются затруднительнымъ обстоятельствамъ, то устраиваютъ общее, артельное хозяйство. И такая взаимная помощь осуществляется у нихъ, въ этихъ случаяхъ, такъ успѣшно, какъ самымъ передовымъ соціалистамъ еще никогда и нигдѣ не удавалось установить на дѣлѣ. А между тѣмъ достигали этого духоборы, будучи еще почти поголовно неграмотными и во многомъ невѣжественными, на основаніи одного только своего внутренняго христіанскаго разумѣнія.

Эту ничѣмъ не сокрушимую силу христіанскаго неповиновенія понимаютъ наиболѣе сообразительные люди, даже изъ числа тѣхъ, которые несогласны съ христіанскимъ жизнепониманіемъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ современныхъ англійскихъ писателей,*) хотя и несочувственно относящійся къ христіанству, но человѣкъ умный и проницательный, — такъ высказывается про христіанское неповиновеніе, которое проповѣдуетъ Толстой:

„Толстой возстановляетъ тотъ могучій здравый смыслъ, которымъ отличалось ученіе Христа... Толстой и его единомышленники сильны тѣмъ, что они послѣдовательны. Ихъ ученіе кротости и неповиновенія есть самое рѣшительное и смѣлое средство сопротивленія предержащимъ властямъ. Это то-же самое, что стачка квакеровъ противъ военной службы, которая сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ революцій. Если бы только люди стали сопротивляться этимъ всемогучимъ способомъ неповиновенія, они были бы такъ же несокрушимы, какъ скалы, — такъ же непоколебимы, какъ дубъ или желѣзо...“

Нѣкоторые русскіе революціонеры также стали за послѣднее время сознавать громадную силу неповиновенія правительству. Но они не понимаютъ того, что стойкое и спокойное неповиновеніе можетъ вытекать только изъ религіознаго настроенія. Они воображаютъ, что можно одной рукой поощрять такое пассивное сопротивленіе, а другой — разжигать въ людяхъ классовую ненависть. Но одно съ другимъ совершенно

*) Литературный критикъ Честертонъ.

несовмѣстимо. Ненависть никогда не удовольствуется однимъ только неповиновеніемъ правительству. Она, рано или поздно, непремѣнно приведетъ къ кровопролитной борьбѣ. А борьба сразу уничтожаетъ всю пользу отъ спокойнаго, мирнаго неповиновенія.

Многіе думаютъ, что тѣ, которые вступаютъ въ драку съ правительственными властями, показываютъ больше мужества и силы, нежели тѣ, которые только не повинуются, но не дерутся. Въ дѣйствительности же, — какъ разъ наоборотъ: гораздо больше мужества и силы воли надъ собой надо для воздержанія отъ гнѣва и мести, чѣмъ для проявленія этихъ низменныхъ чувствъ, свойственныхъ всѣмъ неразумнымъ существамъ. Если кто станетъ меня оскорблять или обижать, то первое мое побужденіе — отомстить ему и отвѣтить тѣмъ же. И если у меня мало надъ собой власти, то я такъ и сдѣлаю и полѣзу въ драку съ своимъ обидчикомъ. Но если во мнѣ больше силы воли и сознанія своего человѣческаго достоинства, то я не буду подражать своему врагу, не стану бороться съ нимъ его же недостойнымъ оружіемъ. Я сумѣю побѣдить въ себѣ вспышку гнѣва и поступить съ нимъ совершенно иначе, нежели онъ поступилъ со мною, при томъ не унижаясь и не уступая ему въ его несправедливыхъ требованіяхъ. И въ этомъ я выкажу больше благородства, неуязвимости и силы воли, чѣмъ еслибы я сталъ съ нимъ считаться, отплачивая зломъ за зло. Совершенно то же самое — и съ отношеніемъ рабочаго народа къ правительству. Еслибы народъ дѣйствительно созналъ свою силу и сталъ бы истинно свободнымъ, то онъ тотчасъ же пересталъ бы повиноваться властямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ бы присутствіе духа и человѣческое достоинство и не вступалъ бы въ драку. Такіе рабочіе, которые сознали свою нравственную силу, пожалѣютъ своихъ непросвѣщенныхъ и слабыхъ товарищей, оставшихся на правительственной службѣ, и ни за что не согласятся вступить съ ними въ междоусобную войну. Они предпочтутъ мужественно выдержать всякія гоненія. И такимъ геройскимъ поведеніемъ они гораздо скорѣе привлекутъ на свою сторону остальныхъ рабочихъ, продолжающихъ еще служить правительству, чѣмъ если бы они дрались съ ними и убивали бы ихъ. И потому мнѣніе о томъ, будто драться благороднѣе и полезнѣе, чѣмъ не по-

виноваться и терпѣть, — есть не болѣе, какъ грубая ошибка, въ которую люди впадаютъ по своему легкомыслію.

14.

Для русскихъ людей это средство безгнѣвнаго неповиновенія имѣетъ еще одно особенное преимущество. Оно соотвѣтствуетъ тому добродушно-широкому нраву, который вообще присущъ славянскому племени. Правда, до сихъ поръ эта народная черта добродушной выносливости главнымъ образомъ проявлялась въ покорномъ подчиненіи народа своимъ поработителямъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы спасеніе заключалось въ возбужденіи въ русскомъ народѣ чувствъ вражды, озлобленія и мести, столь противныхъ его природѣ. Напротивъ того, если въ прошломъ выносливость нашего народа сдѣлала его способнымъ такъ терпѣливо выдерживать притѣсненія, то для его освобожденія отъ своихъ поработителей — слѣдуетъ разсчитывать на эти же самыя, вѣками выработанныя его свойства терпѣнія и выносливости. По мѣрѣ того, какъ сознаніе народа будетъ просвѣтляться, онъ будетъ все яснѣе понимать, какъ недостойно и неразумно онъ поступаетъ, рабски подчиняясь правительству и церкви. И тогда онъ направитъ всѣ присущія ему способности уже не на подчиненіе, а на сопротивленіе правительству. И способности эти помогутъ ему выносить тѣ преслѣдованія, которымъ онъ будетъ, нѣкоторое время, подвергаться за это, — такъ же спокойно и твердо, какъ раньше онъ терпѣлъ за свое подчиненіе и потакательство правительству.

Примѣры подобнаго „обратнаго“ примѣненія стойкости, присущей русскому народному характеру, уже на лицо. Наши „старообрядцы“, въ своемъ отказѣ принять противныя ихъ совѣсти „Никоновскія новшества“, проявили такую непреодолимую настойчивость, что русское самодержавное правительство уже давно вынуждено было имъ уступить. Такъ называемые „нѣтовцы“ или „бѣгуны“, убѣдившись въ томъ, что подчиняться правительству не подобаетъ, выносятъ на каторгѣ самыя ужасныя страданія, предоставляя себя засѣкать до смерти, скорѣе чѣмъ исполнять малѣйшія требованія своихъ тюремщиковъ. Такую же замѣчательную стойкость проявили и

духоборы нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ при своемъ отказѣ отъ участія въ военной службѣ.

„Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, „Кривого кривьемъ не исправишь“, „И муху обидѣть, такъ руки умыть“, „Крови кровью не смоешь“, „Сила — уму могила“. Такія пословицы свидѣтельствуютъ о томъ, что народъ, который былъ въ состояніи ихъ создать, долженъ обладать особенными природными свойствами терпѣнія и выносливости. И въ примѣненіи этихъ, а не иныхъ, качествъ лежитъ спасеніе русскаго народа отъ его теперешняго добровольнаго рабства.

Сторонники насильственной борьбы не согласны съ этимъ. Они утверждаютъ, что русскому народу, — такъ же, какъ, по ихъ мнѣнію, и всякому другому, — свойственна кровавая расправа съ его врагами. Они указываютъ на безпощадное поведеніе толпы во время народныхъ возстаній и погромовъ: на пугачевскій бунтъ, на избіеніе китайцевъ, на еврейскіе погромы. Но случаи эти только подтверждаютъ ту истину, что мирная революція лучше насильственной. Вѣдь въ подобныхъ звѣрствахъ всегда участвуетъ худшая часть народа, наиболѣе огрубѣвшая и нравственно развращенная. Если участвуютъ и другого рода люди, то только потому, что они находятся въ состояніи опьяненія. Когда Скобелеву надо было перерѣзать жителей Геокъ-Тепе, то, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, солдаты отказывались, пока онъ не напоилъ ихъ водкой. Тогда они исполнили это дѣло. Но допустимъ даже, что возможно такъ разжечь страсти и озлобленіе народа, что онъ, наконецъ, пустится въ разрушительные бунты и убійства. Что̀ же это докажетъ? Да только то, что всякій изъ насъ, потерявъ разсудокъ и самообладаніе, забывъ, какъ говорится, Бога и совѣсть, — способенъ совершить величайшія злодѣйства. И объ этихъ злодѣйствахъ потомъ, прійдя въ себя, каждому сколько-нибудь совѣстливому человѣку бываетъ стыдно и страшно вспоминать. Этого ли хотятъ проповѣдники насильственной революціи?

Наши „интеллигенты“, душевно оторванные отъ родной почвы, изъ кожи лѣзутъ вонъ, стараясь привить русскому рабочему народу совершенно несвойственныя его природѣ матеріалистическія, западно-европейскія понятія. А въ это же самое время рабочіе Западной Европы съ удивленіемъ и восторгомъ привѣтствуютъ такія самобытныя проявленія рус-

скаго народнаго сознанія, какъ, напримѣръ, обликъ Ивана Дурака въ народныхъ сказкахъ, дошедшій до нихъ въ изображеніи Толстого. Въ добродушномъ, но твердомъ отказѣ Ивана Дурака и его народа содержать праздныхъ людей; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его нравственной мощи, подымающей его выше всякаго насилія надъ людьми-братьями, — хотя бы даже и врагами, — наиболѣе проницательные рабочіе Западной Европы уже начинаютъ чуять возможность истиннаго пути освобожденія отъ рабства передъ деньгами и правительствомъ. Они собственнымъ горбомъ знаютъ, какъ мало они получили отъ всѣхъ своихъ кровавыхъ революцій и восхваленныхъ конституцій.

15.

Революціонеры готовы согласиться съ тѣмъ, что теперешнее правительство провалилось бы безъ всякаго кровопролитія, еслибы только всѣ дружно отказались ему повиноваться. „Но дѣло въ томъ“, говорятъ они, „что всѣ сразу не откажутся. Если же станутъ отказываться по-одиночкѣ, или хотя бы даже отдѣльными группами, то съ такими правительство легко справится. И ничего изъ этого не выйдетъ“.

Совершенно вѣрно, что сразу всѣ не откажутся повиноваться. Вѣрно и то, что первымъ отказывающимся придется страдать отъ правительства. Но вѣдь такова судьба всякаго новаго движенія, — всякаго шага впередъ въ общественной жизни людей. Никогда не бываетъ, чтобы всѣ сразу соглашались съ новою истиною и всѣ вмѣстѣ проводили ее въ исполненіе. Всегда, наоборотъ, первымъ провозвѣстникамъ лучшей жизни, передовымъ вожакамъ новаго движенія — приходится дѣйствовать почти въ одиночку и многимъ жертвовать, — часто свободой и жизнью, — въ своемъ служеніи той истинѣ, которую они исповѣдуютъ. Вѣдь и революціонное движеніе не сразу всѣхъ охватываетъ. Сколько людей погибло и все еще погибаетъ въ революціонной борьбѣ! Однако революціонеры изъ за этого не покладаютъ рукъ. Какое же они имѣютъ основаніе осуждать мирное неповиновеніе только потому, что оно не сразу достигаетъ своей цѣли? Или они находятъ, что за проповѣдь вражды и ненависти, за участіе въ уличной рѣзнѣ и въ убійствѣ заблудшихъ людей — страдать стóитъ; а за про-

повѣдь любви и единенія и за отказъ отъ участія въ правительственномъ злѣ — страдать не стоитъ?

Революціонеры думаютъ, что если идти по пути христіанскаго неповиновенія, то это займетъ гораздо больше времени, чѣмъ путь насильственнаго возстанія. Они совершенно правы, если подъ этимъ разумѣть, что въ короткій промежутокъ времени разжечь человѣческія страсти и увлечь людей въ драку легче, чѣмъ побудить ихъ оглянуться на самихъ себя и улучшить свою жизнь. Но если они полагаютъ, что достичь лучшихъ, болѣе разумныхъ и справедливыхъ условій жизни для рабочаго народа возможно революціоннымъ путемъ быстрѣе, нежели христіанскимъ, то для такого заключенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Вотъ уже сколько лѣтъ, сколько поколѣній тянется въ Россіи революціонная борьба, но до сихъ поръ она не добилась ничего существеннаго. Напротивъ того, положеніе рабочаго народа стало еще хуже, чѣмъ было. О томъ же, быстрѣе или медленнѣе христіанскій путь, чѣмъ революціонный, возможно было бы судить только въ томъ случаѣ, еслибы столько же усилій, времени и жизней было потрачено на осуществленіе христіанскаго неповиновенія, сколько уже было потрачено на революціонную борьбу. Но до сихъ поръ революціонная дѣятельность привлекала гораздо больше участниковъ. А потому выяснить этотъ вопросъ на опытѣ будетъ возможно только тогда, когда такое же большое число людей доростетъ до христіанскаго жизнепониманія. Если же судить на основаніи простого здраваго смысла, то, казалось бы, преимущество принадлежитъ христіанскому пути. Вѣдь средство христіанскаго неповиновенія правительству содержитъ въ себѣ все, что̀ есть хорошаго въ революціонномъ движеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободно отъ того, что̀ есть въ революціонныхъ пріемахъ нехорошаго. А потому, еслибы христіанская борьба стала широко осуществляться, то она привлекала бы еще гораздо больше сочувствія, чѣмъ борьба революціонная. Не слѣдуетъ забывать, что недостойность многихъ пріемовъ, необходимыхъ въ революціонной дѣятельности, отталкиваетъ наиболѣе нравственно чуткихъ людей. Къ тому же революціонеры своимъ собственнымъ насиліемъ надъ своими врагами, къ сожалѣнію, оправдываютъ въ глазахъ многихъ то самое правительственное насиліе, съ которымъ они борятся.

Необходимо также имѣть въ виду, что въ дѣлѣ освобожденія народа отъ его вѣкового рабства главное условіе вовсе не въ быстротѣ внѣшней перемѣны, а въ глубинѣ и основательности внутренняго перерожденія въ сознаніи людей. Революціи, происходившія до сихъ поръ въ Европѣ, совершались очень быстро и осуществляли весьма крупные внѣшніе перевороты. Но тотчасъ послѣ нихъ, народъ валялся у ногъ новыхъ деспотовъ, — ловкихъ проходимцевъ, вродѣ Наполеона I, самыхъ безсовѣстныхъ и дрянныхъ личностей во всей исторіи человѣчества. И проходимцы эти, ради удовлетворенія своего собственнаго честолюбія, таскали за собой по всему свѣту на военныя бойни этотъ озвѣрѣвшій и одурѣвшій въ революціонной рѣзнѣ народъ. Происходило это потому, что народъ освобождался отъ своихъ прежнихъ притѣснителей только внѣшнимъ „революціоннымъ" путемъ. Онъ ни на шагъ не приближался къ той внутренней, духовной свободѣ, при которой раболѣпство становится невозможнымъ. Такъ же было бы и съ русскимъ народомъ, еслибы ему даже и удалось скинуть съ себя теперешнее правительство тѣми дикими средствами, которыя ему предлагаютъ современные революціонеры. Народъ только подпалъ бы подъ власть другой шайки политическихъ пройдохъ, которые грабили бы его на основаніи новыхъ „конституціонныхъ" правилъ точно такъ же, какъ это происходитъ теперь, на нашихъ глазахъ, почти во всѣхъ странахъ, гдѣ бывали революціи.

Революціонеры говорятъ еще, что нельзя совѣтовать рабочему народу „терпѣть и страдать" за отказъ отъ исполненія требованій правительства, такъ какъ положеніе народа и безъ того уже достаточно тяжелое.

Но что же дѣлаютъ сами революціонеры, какъ не привлекаютъ людей къ страданіямъ? Разница только въ томъ, что человѣкъ христіанскаго жизнепониманія впередъ знаетъ, что, поступая по совѣсти, онъ будетъ страдать. Онъ идетъ на эти страданія съ открытыми глазами и потому, страдая тѣломъ, онъ счастливъ духомъ, какъ бываетъ всякій, исполняющій требованія своей совѣсти. Революціонная же проповѣдь увлекаетъ рабочихъ въ борьбу съ правительствомъ главнымъ образомъ подъ предлогомъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Но, — какъ было выше замѣчено, — ихъ положеніе, въ дѣй-

ствительности, не только не улучшается, но еще ухудшается. Возставшіе рабочіе попадаютъ подъ нагайки, пули, розги, въ тюрьма, ссылки, разоряются и, въ концѣ концовъ, еще хуже порабощаются. При этомъ у большинства изъ этихъ рабочихъ нѣтъ и не можетъ быть никакого душевнаго удовлетворенія, которое бы искупляло то, что̀ имъ приходится переносить за ихъ возстаніе. Они остаются при мучительномъ сознаніи, что поступили опрометчиво и, главное, — не по-божески, а подъ вліяніемъ страстей. Они потеряли то прежнее чувство своей нравственной правоты, которое во всякомъ несчастіи служитъ утѣшеніемъ и поддержкой. Одна часть этихъ рабочихъ доживаетъ свой вѣкъ въ безсильныхъ мукахъ злобы и отчаянія. Другая же, бо̀льшая часть — менѣе сознательная — бросается къ ногамъ „начальства“ и еще хуже, чѣмъ прежде, пресмыкается передъ нимъ, какъ было, напримѣръ, недавно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ происходили крестьянскія возстанія. Такъ что душевное состояніе этихъ людей самое жалкое.

Кромѣ того, и тѣломъ въ большинствѣ случаевъ, приходится гораздо больше страдать за вооруженное возстаніе нежели за мирное, „пассивное“ сопротивленіе, ибо простой отказъ повиноваться, по религіознымъ убѣжденіямъ, меньше ожесточаетъ властей, чѣмъ насильственная борьба съ ними.

16.

Христіанскій способъ сопротивленія правительству имѣетъ еще одно большое преимущество: онъ не нуждается въ томъ, чтобы люди впередъ сговаривались, какъ они будутъ дѣйствовать. Нѣтъ необходимости устанавливать сложные правила, уставы и программы, которые были бы обязательны для всѣхъ. Словомъ, нѣтъ надобности въ той, такъ называемой, „конспиративной организаціи“, которая необходима при революціонной дѣятельности. Когда люди служатъ добру и позволяютъ себѣ въ этомъ служеніи употреблять одни только добрыя средства, то ихъ отношенія со всѣми другими людьми становятся самыми простыми и ясными. Имъ нужно только обращаться какъ можно лучше — во всю силу своего свѣта — съ каждымъ человѣкомъ, другомъ или недругомъ, съ которымъ они имѣютъ дѣло. Поступая такъ, они всѣ, не сговариваясь, дѣйствуютъ за-одно. Добро соединяетъ.

Но зло разъединяетъ. И потому революціонеры, прибѣгающіе ко злу по отношенію къ своимъ врагамъ, нуждаются въ самой тщательной предварительной организаціи. Они вѣдь считаютъ, что однимъ людямъ — своимъ друзьямъ — слѣдуетъ говорить правду, а другимъ — своимъ врагамъ — слѣдуетъ лгать; что нужно однимъ помогать, другимъ ножку подставлять; — однихъ братски принимать въ свои объятія, другимъ всячески вредить. Понятно, что при такомъ различномъ отношеніи къ людямъ имъ приходится, во избѣжаніе ошибокъ, впередъ сговариваться, съ кѣмъ именно они будутъ поступать хорошо, съ кѣмъ плохо.

Да и то, несмотря на всю тщательность и строгость своихъ организацій, революціонеры не достигаютъ согласія даже сами между собой. Мы знаемъ, по прошлымъ примѣрамъ, что когда наступаетъ та всеобщая свалка, къ которой приводитъ, въ концѣ концовъ, революціонная проповѣдь, то сами революціонеры оказываются раздѣленными на враждебныя между собой „партіи". Настаетъ сумятица въ средѣ самихъ революціонеровъ, и одерживаютъ верхъ не наиболѣе достойные изъ нихъ, а напротивъ — наиболѣе безсовѣстные. Пріучившись не стѣсняться средствами при сношеніяхъ съ врагами, наименѣе совѣстливые революціонеры поступаютъ такимъ же образомъ также и съ тѣми изъ своихъ товарищей, съ которыми не въ ладахъ. Въ настоящее время, въ Россіи еще не дошло до всеобщаго возстанія. И потому соперничество между различными революціонными партіями пока еще происходитъ преимущественно на словахъ. Въ самой Россіи дѣятельные революціонеры еще такъ поглощены возбужденіемъ народа противъ правительства и разными заговорами, что не успѣваютъ ссориться между собой, какъ не успѣваютъ на пожарѣ, даже враги, вступать въ пререканія. Но заграницей, гдѣ они живутъ въ болѣе спокойной обстановкѣ, обнаруживаются истинныя отношенія между русскими революціонерами различныхъ партій. Многіе изъ заграничныхъ журналовъ и брошюръ заняты постоянными пререканіями между собой. Они поражаютъ читателя своей скучной перебранкой, тѣми взаимными подозрѣніями, злыми намеками, неприличными обвиненіями и даже клеветой, которыми переполнены. Таковъ образецъ взаимныхъ отношеній между досужими революціонерами. По немъ можно составить себѣ

нѣкоторое представленіе о томъ, какая вражда наступила бы между ними, если когда-нибудь, паче чаянія, имъ на дѣлѣ пришлось бы сообща участвовать въ установленіи новаго государственнаго строя. Очевидно, что даже такая тщательная организація какъ та, которая выработана у революціонеровъ, — и она не въ состояніи внутренно сплотить ихъ. Такъ всегда бываетъ съ людьми, не признающими одного общаго для всѣхъ верховнаго нравственнаго закона.

Правда, что въ предѣлахъ отдѣльныхъ „партій" или „группъ" революціонная организація дѣйствительно связываетъ участниковъ въ одной совмѣстной дѣятельности. Но за то какой цѣной достается это внѣшнее согласіе!

„Людямъ кажется, что если они, выдѣлившись отъ другихъ людей и связавшись между собой исключительными условіями, соблюдаютъ эти условія, то они дѣлаютъ такое доброе дѣло, которое освобождаетъ ихъ отъ общихъ требованій ихъ совѣсти... Люди дѣлаютъ явно дурное дѣло, но это наши товарищи, и потому надо скрыть, оправдать ихъ дурное дѣло. То, что̀ мнѣ предлагаютъ дѣлать — дурно, безсмысленно, но всѣ товарищи рѣшили это, и мнѣ нельзя отстать отъ нихъ... Всѣ эти люди считаютъ вѣрность установленію своего товарищества обязательнѣе вѣрности требованіямъ своей совѣсти по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ... Особенность этого соблазна („товарищества") состоитъ въ томъ, что во имя его совершаются самые дикіе и безсмысленные.. и очень часто... страшно жестокіе поступки... Вредъ же этого соблазна въ томъ, что люди, ставшіе въ условія товарищества, руководясь въ жизни не общими законами разума, а своими исключительными правилами, все болѣе и болѣе удаляются отъ общихъ всѣмъ людямъ разумныхъ основъ жизни, становятся нетерпимѣе и жесточе ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ ихъ товариществу, и тѣмъ лишаютъ себя и другихъ истиннаго блага."*)

Эти слова Толстого относятся ко всѣмъ товариществамъ, которыя лишаютъ участвующихъ личной самостоятельности, какъ напримѣръ, товарищества между учениками одного и того же заведенія или офицерами одного и того же полка. Революціонныя организаціи какъ нельзя болѣе подходятъ подъ это описаніе. Сколько въ наше время приходится встрѣчать мо-

*) „Христіанское ученіе" Л. Толстого. Стр. 88, 56 — 57, 88 — 89.

лодыхъ людей, которые отказались думать за себя и дѣйствовать по-своему только потому, что вступили въ ту или другую революціонную организацію. Они подчиняютъ себя распоряженіямъ другихъ людей, иногда даже не видавши ихъ въ глаза. А потомъ считаютъ долгомъ защищать самые предосудительныя дѣйствія своего кружка и оправдывать скверные поступки даже такихъ своихъ товарищей, которыхъ они въ душѣ своей презираютъ. Задавшись цѣлью доставить свободу цѣлому народу, чего сдѣлать они не въ состояніи, эти люди достигаютъ только того, что теряютъ свою собственную свободу, которую они могли бы сохранить и развивать. Искренніе юноши, желающіе всецѣло отдать себя народному дѣлу, становятся пѣшками въ рукахъ своихъ вожаковъ, зачастую — людей самыхъ нравственно недостойныхъ, побуждаемыхъ тщеславіемъ и властолюбіемъ.

Не такъ бываетъ съ человѣкомъ христіанскаго жизнепониманія. Онъ сохраняетъ свою внутреннюю свободу, потому что признаетъ одного только руководителя — голосъ Божій въ своей душѣ. Эта объединяющая сила свободнаго духовнаго разумѣнія одна только и можетъ избавить людей отъ всего того зла, отъ котораго они теперь страдаютъ. И избавитъ она ихъ не тѣмъ, что поможетъ однимъ людямъ пересилить другихъ; а тѣмъ, что доставитъ людямъ единую истинную свободу — свободу внутреннюю. И свобода эта, когда она наступитъ, измѣнитъ къ лучшему, безъ всякихъ организацій и программъ, всю внѣшнюю жизнь человѣчества.

„Съ Богомъ пойдешь, до благого дойдешь“.

17.

Крупная ошибка революціонеровъ состоитъ также въ томъ, что, задаваясь такою обширною цѣлью, какъ измѣненіе всего общественнаго строя, они обращаются, главнымъ образомъ, не къ высшимъ, а къ низшимъ чувствамъ и стремленіямъ рабочаго народа. Какъ было раньше замѣчено, если рабочіе отказались бы раболѣпствовать передъ своими теперешними хозяевами, то они этимъ и сами соблюли бы свое человѣческое достоинство, и перестали бы своимъ потакательствомъ развращать тѣхъ, кому они до сихъ поръ безпрекословно служатъ. Но не этого добиваются революціонеры. Они совѣтуютъ рабочимъ продолжать, до поры

до времени, работать на своихъ притѣснителей; но при этомъ — стараться извлечь какъ можно больше выгоды изъ своего неразумнаго и унизительнаго прислужничества богатымъ и празднымъ. Рядомъ съ этимъ революціонеры разжигаютъ въ рабочихъ озлобленіе противъ ихъ хозяевъ и надѣются, что со временемъ народъ насильственно свергнетъ съ себя то иго, которое онъ самъ все еще продолжаетъ поддерживать своимъ рабоѣніемъ. Неразумность такого образа дѣйствія, рекомендуемаго рабочимъ революціонерами, очевидна. Это значитъ одной рукой строить то, что̀ другой рукой собираешься разрушить.

Потребность подавленнаго трудомъ рабочаго улучшить свое положеніе, разумѣется, вполнѣ понятна и законна. И если дѣло касается этого, то всякій благомыслящій человѣкъ не можетъ не пожелать рабочему такого облегченія. Но въ такомъ случаѣ и слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду дѣйствительное облегченіе его положенія и тщательно избѣгать всего того, что̀ можетъ еще ухудшить его участь. И потому, если думать только объ облегченіи теперешняго положенія рабочихъ, то необходимо остерегаться опасной борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Для одного только улучшенія своего матеріальнаго положенія рабочимъ пришлось бы, наоборотъ, приспособляться къ этому строю, чтобы получить столько выгоды для себя и своихъ товарищей, сколько возможно при современныхъ общественныхъ условіяхъ. Такъ и поступаютъ разныя рабочія организаціи въ западной Европѣ, начиная съ англійскихъ „рабочихъ союзовъ“ (trades-union'овъ) и кончая парламентской дѣятельностью соціалистовъ въ Германіи, Франціи и другихъ странахъ. Того же самаго достигаютъ и тѣ стачки, при которыхъ рабочіе не отказываются вообще отъ служенія своимъ поработителямъ, но стараются только нѣсколько облегчить условія этого служенія.

Но дѣло совсѣмъ другое, когда цѣль людей не въ томъ, чтобы облегчить свою собственную матеріальную участь, а въ томъ, чтобы замѣнить весь современный общественный строй новымъ, — праведнымъ и справедливымъ. Этого можно достичь только совершенно иными путями. Великія цѣли требуютъ и великихъ жертвъ. Для такой высокой и обширной цѣли, какъ эта, — рабочимъ нужно было бы посвятить всѣ свои силы на служеніе наивысшимъ требованіямъ Добра и Правды. Имъ приш-

лось бы не только отказаться отъ улучшенія своего положенія, но быть готовыми пожертвовать даже тѣмъ немногимъ, что̀ они имѣютъ. Только этимъ путемъ возможно людямъ подняться на высшую ступень сознанія и жизни. А для этого необходимо вызвать въ своей душѣ совсѣмъ иныя побужденія, нежели тѣ, которыя революціонная проповѣдь внушаетъ рабочему народу.

И замѣчательно то, что наиболѣе искренніе и самоотверженные революціонеры дѣйствуютъ подъ вліяніемъ именно самыхъ высшихъ стремленій своей души. Они сами вовсе не руководимы тѣми матеріалистическими разсчетами и животными инстинктами, которые они стараются вызвать въ рабочемъ народѣ. Революціонерами бываютъ часто люди самоотверженные по природѣ и добровольно отказавшіеся отъ всѣхъ земныхъ выгодъ, ради служенія тому, въ чемъ они полагаютъ народное благо. И вмѣстѣ съ тѣмъ они, какъ это ни странно, поучаютъ народъ тому, что основной законъ человѣческой жизни есть забота о своей собственной шкурѣ и борьба за существованіе. Они провозглашаютъ во всеуслышаніе, что, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ матеріалистической науки, всѣ свойства человѣческой души, — не исключая и высшихъ, — происходятъ отъ потребности человѣка обезпечить свое матеріальное благосостояніе. По этому ученію, выходитъ, что и любовь къ ближнему, и вѣра въ добро, и признаніе нравственнаго закона, и понятіе о высшемъ Источникѣ жизни, — словомъ все, что̀ есть въ человѣческой душѣ благороднаго, безкорыстнаго и святого, — все это вытекаетъ изъ заботы о благосостояніи своего тѣла. О томъ же, что другія научныя ученія утверждаютъ совершенно обратное, — объ этомъ умалчиваютъ эти проповѣдники матеріализма. И одновременно съ этимъ они своимъ собственнымъ самоотверженнымъ поведеніемъ опровергаютъ то, что̀ на словахъ провозглашаютъ. Послушаешь такія рѣчи отъ такихъ людей и внутренно невольно улыбнешься тому, до какой степени книжная ученость можетъ не только спутать понятія человѣка о жизни вообще, но и скрыть отъ него его собственную душу. Укажешь такому человѣку, что вотъ вѣдь его-же собственная жизнь гораздо благороднѣе и безкорыстнѣе того низменнаго, себялюбиваго ученія, которое онъ другимъ проповѣдуетъ, — онъ начнетъ

всевозможными увертками доказывать, что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія.

Еслибы такая путаница въ понятіяхъ касалась только самого этого человѣка, то было бы еще полъ-бѣды. Но примѣръ его самоотверженной жизни привлекаетъ къ нему другихъ людей. Они проникаются уваженіемъ и сочувствіемъ къ его личности и жаждутъ поучиться у него. А онъ вмѣсто того, чтобы будить въ нихъ высшія стороны ихъ природы, обращается къ ихъ менѣе благороднымъ чувствамъ и желаніямъ. Онъ внушаетъ другимъ какъ разъ обратное тому, въ чемъ самъ находитъ благо и удовлетвореніе. Понятно, что такая проповѣдь, — очень обычная со стороны революціонеровъ-матеріалистовъ, — приноситъ людямъ громадный вредъ. И дѣйствуетъ такая нравственно принижающая проповѣдь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше личная жизнь самого проповѣдника.

18.

Нѣкоторые революціонеры, не брезгующіе клеветой, утверждаютъ, какъ мы видѣли, будто люди свободно-христіанскаго пониманія, какъ напримѣръ Толстой и его друзья, защищаютъ существующій государственный строй, оправдываютъ притѣсненіе бѣдныхъ богатыми и совѣтуютъ народу продолжать рабски подчиняться правительству. Другіе революціонеры, неспособные такъ лгать, признаютъ, наоборотъ, за нами заслугу въ томъ, что мы обличаемъ зло правительственнаго насилія, подрываемъ уваженіе къ существующей государственной власти и призываемъ народъ къ неповиновенію ей. Они жалѣютъ лишь о томъ, что мы осуждаемъ насиліе не только правительственное, но и революціонное.

„Напрасно нападаете вы на насъ“, говорятъ эти революціонеры, „и порицаете нашу дѣятельность. Мы съ вами желаемъ вѣдь одного и того же — народнаго блага. И врагъ у насъ одинъ и тотъ же — самодержавное правительство. Оставимъ же всякія пререканія о различіи въ средствахъ борьбы съ нашимъ общимъ врагомъ. Давайте лучше бокъ о бокъ бороться съ нимъ каждый тѣми средствами, которыя онъ признаетъ наиболѣе дѣйствительными“.

Какъ ни жалко бываетъ отворачиваться отъ товарищески протянутой руки, тѣмъ не менѣе мы вынуждены откровенно отвѣтить, что вступать въ союзъ съ революціонерами намъ, по

убѣжденіямъ нашимъ, нѣтъ возможности. Дѣйствительно, мы одинаково съ революціонерами осуждаемъ существующее правительство. Но причину правительственнаго зла мы видимъ, главнымъ образомъ, не въ самомъ существованіи правительства, а въ томъ, что народъ поддерживаетъ его своимъ повиновеніемъ. Если бы только люди зажили правильно и не дѣлали бы того, чего дѣлать не слѣдуетъ, то изчезли бы и теперешнія правительства. И потому борьба наша направлена противъ того невѣжества, той тьмы, того малодушія, которыя заставляютъ людей повиноваться и служить правительству. Мы сознаемъ, что зло, съ которымъ слѣдуетъ бороться и на которомъ основано самодержавіе, находится прежде всего въ насъ самихъ, въ нашихъ недобрыхъ отношеніяхъ между собою, въ нашемъ раболѣпствѣ передъ внѣшнею властью. Революціонеры полагаютъ, что главное зло находится внѣ насъ, въ правительствѣ, и что, если опрокинуть правительство, то свобода, братство, просвѣщеніе, сами собой осуществятся среди людей. Мы же знаемъ, что только потому и образовалось и продолжаетъ существовать правительство, что нѣтъ еще въ народѣ ни свободы, ни братства, ни просвѣщенія. „Наша брань не противъ плоти и крови, но... противъ тьмы вѣка сего".

Революціонеры борятся съ внѣшнимъ проявленіемъ зла, не докапываясь до внутренняго его источника въ душѣ человѣческой. Свободное христіанство борется съ самимъ корнемъ зла въ сознаніи людскомъ. Христіанское ученіе сначала вліяетъ на основной источникъ жизни внутри людей. Затѣмъ неизбѣжно отражается въ ихъ внѣшнихъ поступкахъ. И такимъ образомъ, въ свое время, измѣняетъ къ лучшему общественное ихъ устройство. Революціонная дѣятельность начинаетъ съ обратнаго конца. Она прежде всего и главнымъ образомъ старается измѣнить внѣшнее общественное устройство. И для достиженія этого она считаетъ позволительными всякія средства, даже самыя предосудительныя. А это въ корнѣ подрываетъ всю ту пользу, которую революціонеры желали бы оказать народу. Христіанская же дѣятельность, хотя на поверхности и менѣе замѣтна, за то забираетъ глубже и никогда не пропадаетъ даромъ, никому не приноситъ вреда.

Вотъ почему люди христіанскаго жизнепониманія не могутъ дѣйствовать заодно съ революціонерами.

19.

„Но революціи вы все равно не остановите", говорятъ намъ, когда исчерпаны всѣ другія возраженія, „и сами вы, хотя того и не желаете, но помогаете революціи, ибо въ дѣятельности вашей сильнѣе всего отражается на другихъ ваше обличеніе существующаго строя, вашъ призывъ къ независимости. А ученіе ваше о непротивленіи злу насиліемъ и вообще религіозная сторона вашей проповѣди мало кѣмъ воспринимается".

На это мы можемъ только сказать, что вовсе и не задаемся цѣлью остановить революцію. Очень можетъ быть, что когда нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и совершится въ Россіи насильственный государственный переворотъ. Въ этомъ не было бы ничего удивительнаго.

Съ одной стороны, въ народѣ повсемѣстно замѣтно ослабѣваетъ преданность и уваженіе къ царской власти, замѣняясь глухимъ неудовольствіемъ, какъ и не можетъ быть иначе при безсмысленно жестокой дѣятельности самого правительства. И если мы теперь присутствуемъ при нѣкоторомъ подъемѣ „вѣрноподданническихъ чувствъ" въ народѣ, вызванномъ наступившей войной, то это, разумѣется, только временная волна, которая отхлынетъ, когда настанетъ время.

Съ другой стороны, въ средѣ, такъ называемой, учащейся молодежи наиболѣе чуткіе и самоотверженные юноши самими обстоятельствами наталкиваются на революціонный путь. Оставаться равнодушными къ правительственнымъ безобразіямъ и страданіямъ притѣсняемыхъ они не могутъ. Христіанскій путь борьбы со зломъ для большинства изъ нихъ закрытъ. То самое образованіе, которое правительство имъ даетъ, внушаетъ имъ отвращеніе ко всякой религіи и убѣжденіе въ томъ, что только силою кулака возможно чего-либо добиться.

Взглядъ этотъ, разумѣется, легкомысленный и ошибочный. Но, какъ извѣстно, легкомысленные и ошибочные взгляды распространяются, до поры до времени, гораздо успѣшнѣе, чѣмъ взгляды основательные. Поэтому-то и правы революціонеры, подмѣтивъ, что сущность христіанскаго жизнепониманія, придающая, какъ мы знаемъ, разумный смыслъ всей человѣческой жизни, медленнѣе и труднѣе воспринимается людьми, чѣмъ та сторона христіанскаго ученія, которая обличаетъ правитель-

ственное зло. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы людямъ, имѣющимъ возможность вникать немного поглубже въ смыслъ жизни, слѣдовало зажмуривать глаза и судить о вещахъ такъ же поверхностно, какъ революціонеры и ихъ многочисленные единомышленники?

Задача людей, вѣрующихъ въ Бога, вовсе не въ томъ, чтобы останавливать революцію или какія бы то ни было другія общественныя событія. А только въ томъ, чтобы опредѣленно выяснить самимъ себѣ, какое отношеніе къ этимъ событіямъ наиболѣе согласно съ волей божьей, и затѣмъ твердо держаться этого пути, по возможности не уклоняясь ни вправо, ни влѣво.

Я, съ своей стороны, попытался здѣсь высказать, какъ умѣлъ, тѣ мысли и заключенія, къ которымъ былъ приведенъ, разсматривая этотъ вопросъ въ этомъ духѣ. Для меня, какъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, разрѣшеніе вопроса состоитъ въ томъ, что спасеніе не въ насильственной революціи, а въ христіанскомъ освобожденіи. Но въ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ, я не ограничился однимъ только разборомъ того, чего требуетъ отъ христіанина воля Божья. Я пошелъ дальше и изложилъ причины, по которымъ считаю, что, даже въ матерьяльномъ отношеніи, порабощенному народу *выгоднѣе* поступать согласно требованіямъ христіанской нравственности. И вотъ въ виду того, что я коснулся этой области *матерьяльной выгоды*, мнѣ необходимо здѣсь сдѣлать одну оговорку.

Я дѣйствительно глубоко и твердо убѣжденъ въ томъ, что христіанское неповиновеніе правительству несравненно выгоднѣе для рабочаго народа, чѣмъ революціонный путь насильственнаго возстанія, который только можетъ повредить его интересамъ. Но не слѣдуетъ забывать и того, что даже если я въ этомъ и ошибаюсь, то это нисколько не можетъ измѣнить нравственныхъ обязанностей людей христіанскаго жизнепониманія. Такіе люди ни въ какомъ случаѣ не могутъ, по совѣсти, принимать участіе въ насильственномъ возстаніи, всегда сопряженномъ съ враждою, обманомъ, насиліемъ, убійствомъ. И воздерживаться отъ этого они должны вовсе не потому, что для нихъ выгоднѣе воздерживаться, а единственно потому, что вражда, обманъ, насиліе, убійство суть дѣла злыя, принимать участіе въ которыхъ христіанинъ не имѣетъ нравственнаго

права. И потому, даже еслибы революція и могла достигнуть чего-нибудь въ дѣлѣ освобожденія, — все-таки для вѣрующаго въ Бога и ученіе Христа дверь эта закрыта, и для него единственное возможное средство борьбы есть христіанское сопротивленіе, т. е. мирное неповиновеніе властямъ.

20.

Въ заключеніе, поставимъ себѣ еще разъ тотъ вопросъ, который возстаетъ неизбѣжно передъ каждымъ изъ насъ въ связи съ современными общественными событіями. И постараемся въ нѣсколькихъ словахъ повторить сущность того отвѣта на этотъ вопросъ, который вытекаетъ изъ нашего основного жизнепониманія.

Вопросъ заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ намъ, вѣрующимъ въ Бога любви, относиться къ тѣмъ двумъ началамъ, — правительственному и революціонному, — которыя, въ настоящее время, ведутъ между собой такую ожесточенную борьбу передъ нашими глазами? Борьба эта, не на животъ, а на смерть, разгорается все съ большей силой и на врядъ ли прекратится при нашей жизни. Мы, люди съ христіанскимъ жизнепониманіемъ, поставлены какъ бы между двухъ огней этихъ враждующихъ между собой сторонъ. И намъ необходимо выяснить себѣ какъ можно опредѣленнѣе и тверже, каково должно быть наше отношеніе къ этой борьбѣ для того, чтобы не измѣнить той божеской истинѣ, которой мы желаемъ служить?

Бога мы можемъ понимать различно. Одни изъ насъ считаютъ Его особымъ личнымъ существомъ. Другіе понимаютъ Бога, какъ отвлеченное духовное начало. Третьи, наконецъ, называя Богомъ высшій источникъ жизни, не считаютъ возможнымъ что-либо знать о Его существѣ. Но какъ бы мы ни понимали самого Бога, наше признаніе высшаго божескаго начала во всякомъ случаѣ обозначаетъ то, что мы признаемъ обязательный для насъ нравственный или духовный законъ, называемый нами волей Божьей. Точно такъ же и къ личности Іисуса мы можемъ относиться различно. Можемъ принимать на вѣру всѣ разсказы о немъ, дошедшіе до насъ въ Писаніяхъ. Или же можемъ довѣрять только тому, что̀ не противорѣчитъ нашему разуму. Но во всякомъ случаѣ, какъ христіане, согласные съ

духомъ и смысломъ ученія Іисуса, мы признаемъ въ этомъ ученіи высшій законъ, вложенный въ нашу природу Источникомъ жизни.

Каково же должно быть *христіанское* отношеніе къ этой отчаянной и убійственной борьбѣ между революціонерами и правительствомъ?

Относительно правительственной дѣятельности для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что она по самому своему существу противна ученію Христа. Не меньше революціонеровъ, а больше, чѣмъ самые крайніе изъ нихъ, мы отрицаемъ всякое правительство. Большинство изъ нихъ полагаетъ, что плохо только теперешнее правительство, но что можно и должно замѣнить его другимъ, лучшимъ. Мы же убѣждены, что никакого вовсе принудительнаго правительства быть не должно, хотя бы даже и такъ называемаго „выборнаго". Мы считаемъ, что не только одинъ человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться многими, но и многіе — не имѣютъ права распоряжаться однимъ. И потому никакія рѣшительно требованія правительства мы не признаемъ для себя обязательными. Подчиняясь правительству и исполняя какія бы то ни было его приказанія, человѣкъ отказывается отъ своей независимости и теряетъ свое человѣческое достоинство. А христіанину и подавно совѣсть велитъ подчиняться одному только его разумному сознанію.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы намъ нужно было ненавидѣть тѣхъ людей, которые занимаютъ государственныя должности или вообще пользуются личными выгодами своего привилегированнаго общественаго положенія. Мы знаемъ, въ какой испорченной и разслабленной средѣ люди эти родились, — въ какой развращающей обстановкѣ они росли и развивались. Мы знаемъ, какъ безсмысленно и дико они были воспитаны, и знаемъ, какимъ страшнымъ соблазнамъ они постоянно подвергаются. Лишенные всякаго истиннаго просвѣщенія, съ понятіями, искаженными съ дѣтства, люди эти занимаютъ свое неестественное положеніе, единственно благодаря покорному раболѣпію передъ ними всего народа. Въ такомъ положеніи святой — и тотъ не выдержалъ бы. Слѣдовательно не ненавидѣть, а жалѣть слѣдуетъ этихъ несчастныхъ, душевно притупленныхъ и развращенныхъ людей. Злиться на нихъ такъ же жестоко и глупо, какъ злиться на

калѣку за то, что природа его обидѣла. Если уже намъ необходимо нужно на кого-нибудь сердиться, то будемъ лучше сердиться на самихъ себя за то, что мы нашимъ преступнымъ потакательствомъ развращаемъ, поддерживаемъ и размножаемъ такихъ людей.

Что касается революціоннаго движенія, то главное его преимущество передъ правительственной дѣятельностью состоитъ, конечно, въ томъ, что правительству въ настоящее время люди служатъ главнымъ образомъ ради своей собственной выгоды; между тѣмъ какъ революціонеры большею частью жертвуютъ своими личными выгодами, а иногда даже и самой жизнью, ради того дѣла, которому они служатъ. Въ этомъ отношеніи многіе революціонеры представляютъ образцовый примѣръ самоотверженія.

Но, хотя и отдавая справедливость тому, что̀ есть благороднаго въ поведеніи революціонеровъ, — намъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ остерегаться того, какъ бы, изъ сочувствія къ ихъ личнымъ достоинствамъ, не одобрить также и того, что̀ есть ошибочнаго и предосудительнаго въ ихъ дѣятельности. Такъ напримѣръ, ненависть, обманъ, насиліе, убійство и вообще всѣ тѣ нравственно незаконные пріемы, безъ которыхъ, какъ мы видѣли, не можетъ обходиться революціонно-конспиративная борьба, — все это остается зломъ и нарушеніемъ божескаго закона, хотя бы оно и совершалось людьми самоотверженными и думающими, что они этимъ служатъ доброй цѣли. И при томъ зло это у революціонеровъ приноситъ людямъ гораздо больше вреда, чѣмъ то-же самое зло у представителей правительства. Правительство, притѣсняя народъ, отталкиваетъ отъ себя людей наиболѣе чуткихъ. Но революціонеры, заступаясь за народъ, привлекаютъ къ себѣ сочувствіе многихъ людей, въ особенности неопытныхъ юношей, желающихъ добра народу и не видящихъ, что революціоннымъ путемъ можно только народу вредить. И вотъ эти то люди, большею частью изъ самыхъ добрыхъ и отзывчивыхъ, увлеченные благородными цѣлями и личными достоинствами революціонеровъ, начинаютъ одобрять также и безнравственные пріемы революціонной борьбы и признавать, вмѣстѣ съ революціонерами, что цѣль оправдываетъ средства. Въ этомъ — большой соблазнъ.

Совершеніе, подъ вліяніемъ другихъ людей, того, что̀ про-

тивно нашей совѣсти, есть самый худшій видъ раболѣпія. И потому „рабами человѣковъ“ дѣлаются не только тѣ, которые безпрекословно подчиняются притѣснителямъ, но также и тѣ, которые прибѣгаютъ къ насилію въ борьбѣ съ ними. Такіе люди лишаются своей внутренней свободы, теряютъ свою правоту и, подражая своимъ врагамъ въ ихъ скверныхъ поступкахъ, становятся рабами зла.

Повторяю еще и еще разъ, — потому что невозможно слишкомъ часто это повторять, — главная ошибка революціонеровъ заключается въ томъ, что они воображаютъ, что возможно дѣлать доброе дѣло скверными средствами. Въ этомъ вся ихъ несостоятельность, въ этомъ — причина того, что, вмѣсто пользы, они оказываютъ народу величайшій вредъ. Добро достигается только добромъ, и зло всегда и вездѣ производитъ одно только зло. Таковъ всеобщій законъ человѣческой жизни. И горе тому дѣлу, которое, какъ революціонное, основано на нарушеніи этого непреложнаго нравственнаго закона.

Разумѣется, мы всѣ во многомъ несостоятельны, и никто не можетъ сказать, что онъ ведетъ безупречный образъ жизни. Но большая разница — грѣшить по слабости, и осуждать себя за свой грѣхъ, и стараться преодолѣть его, зная, что онъ мѣшаетъ нашему служенію Богу; или же оправдывать скверные поступки, когда они совершаются для предполагаемой доброй цѣли, и не только не стараться всѣми силами отъ нихъ воздерживаться, но нарочно заставлять себя совершать ихъ, потому что этого требуетъ, такъ называемая, „революціонная тактика“.

Поэтому на тѣхъ изъ насъ, для которыхъ раскрыта Христова истина, лежитъ большая отвѣтственность по отношенію къ революціонерамъ. Мы нравственно обязаны, не взирая на лица, смѣло разоблачать и обличать всѣ тѣ дѣйствія революціонеровъ, которыя несогласны съ закономъ любви и правды. Намъ слѣдуетъ и словомъ, и дѣломъ исповѣдывать ту истину, что великая цѣль народнаго освобожденія можетъ быть достигнута только праведными путями и чистыми средствами. Нѣтъ на свѣтѣ людей, ни въ чемъ не ошибающихся. Нѣтъ также на свѣтѣ и человѣка, столь ничтожнаго, чтобы онъ не могъ иногда, хоть совѣтомъ или словомъ предупрежденія, помочь другимъ. И чѣмъ больше мы

цѣнимъ и уважаемъ революціонеровъ за ихъ личныя достоинства, тѣмъ болѣе мы должны жалѣть, что ихъ прекрасныя природныя силы направляются по ложному пути.

Не будемъ же, — изъ ложной скромности или изъ подобострастія передъ какими бы то ни было героями, — заглушать въ себѣ Духъ Божій и тушить тотъ свѣтъ, который есть въ насъ. Но, исповѣдуя передъ всѣми одинаково сознаваемую нами истину, — безбоязненно исполнимъ долгъ нашъ передъ Богомъ и людьми.

Кончаю тѣмъ, съ чего началъ. Повторяю, что, высказывая изложенное на этихъ страницахъ, я обращаюсь главнымъ образомъ къ людямъ, вѣрующимъ въ Бога. Людей, не вѣрующихъ въ Бога, — такъ называемыхъ матеріалистовъ, которыхъ пугаетъ и отталкиваетъ самое слово „Богъ", — я убѣдить не надѣюсь. Еслибы я обращался къ нимъ, то пришлось бы говорить на совсѣмъ другомъ языкѣ, избѣгая такія выраженія, которыя ихъ раздражаютъ вслѣдствіе того, что они принимаютъ ихъ только въ самомъ грубо-суевѣрномъ смыслѣ. Но обращаясь къ людямъ, понимающимъ духовныя слова въ духовномъ смыслѣ, нѣтъ надобности избѣгать тѣ выраженія, которыми человѣчество, съ тѣхъ поръ какъ оно начало жить сознательно, привыкло обозначать то, что̀ для него наиболѣе дорого и свято.

„Душа душу знаетъ, а сердце сердцу вѣсть подаетъ". Я увѣренъ въ томъ, что читатели, родственные по духу, поймутъ мои слова не превратно, — какъ вѣроятно поймутъ ихъ мои противники, — а въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ я ихъ разумѣлъ. Такіе читатели сумѣютъ сами для себя дополнить то, чего я не досказалъ, и поправить то, въ чемъ я ошибаюсь или чего не смогъ выразить достаточно ясно и убѣдительно. Къ нимъ я обращаюсь съ усердною просьбою — не отказать сообщить мнѣ свои впечатлѣнія и мысли по поводу того, что̀ здѣсь высказано. Въ дѣлѣ обсужденія такихъ важныхъ для жизни вопросовъ необходимо, чтобы люди одинаковаго жизнепониманія помогали другъ другу, подтверждая справедливое и поправляя ошибочное. Такой именно помощи прошу я и въ настоящемъ случаѣ. И за нее я былъ бы глубоко благодаренъ.

Адресъ: V. Tchertkoff.
Christchurch, Hants. England. Англія. 1902 — 1904 г.
